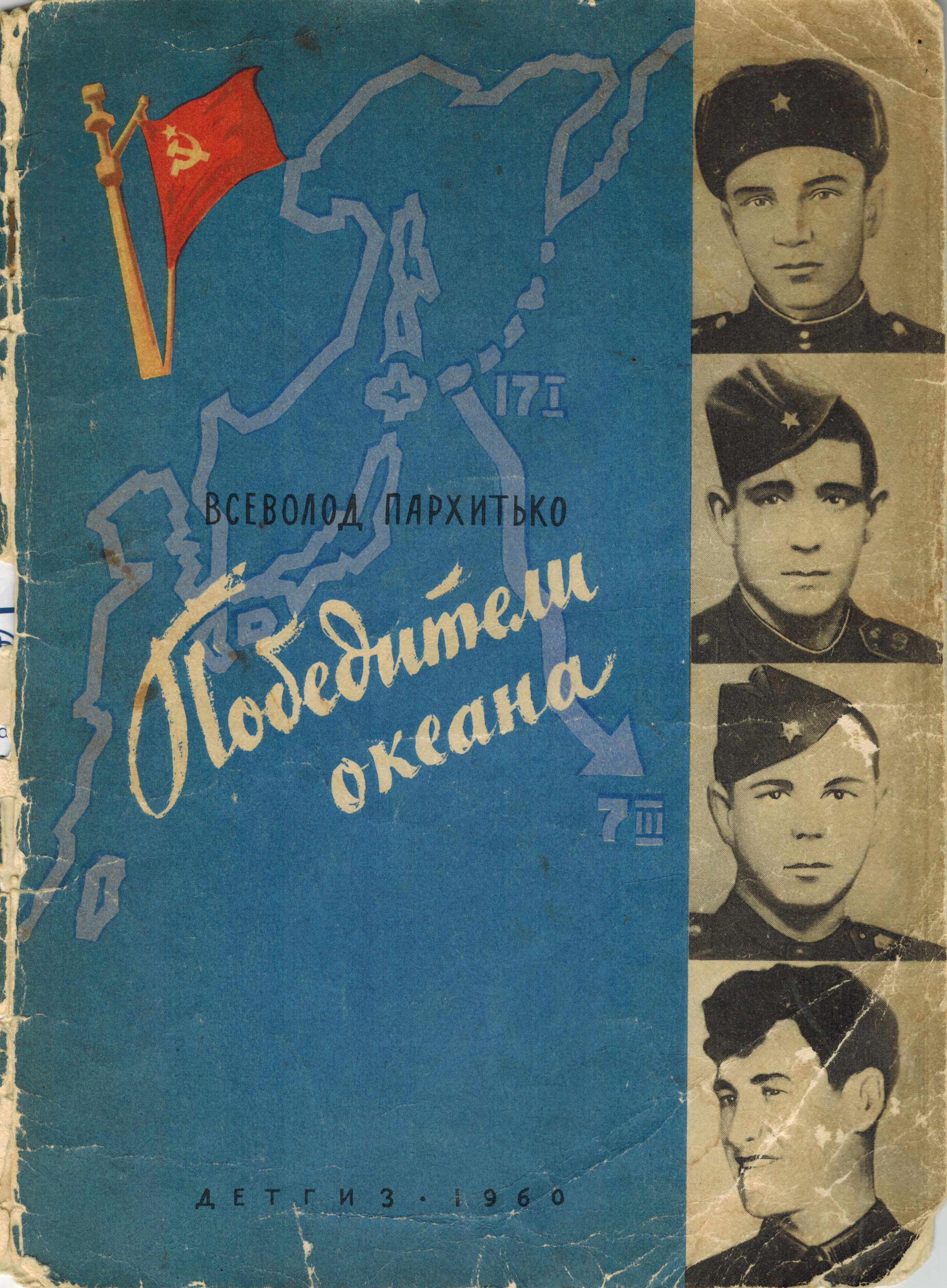
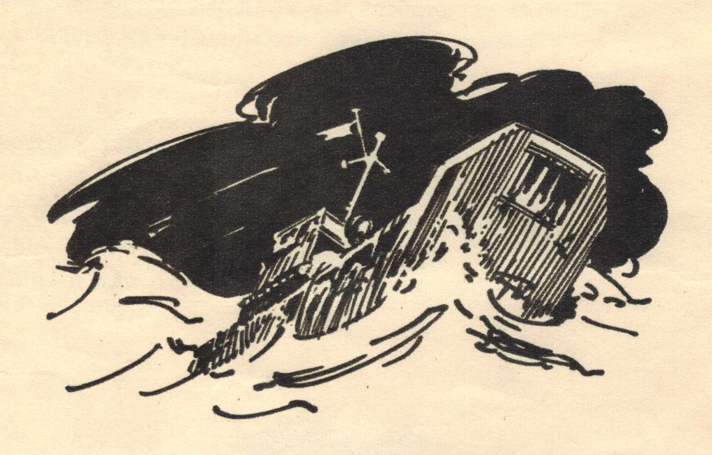

17 I
7 III
ВСЕВОЛОД ПАРХИТЬКО
Победители океана
ДЕТГИЗ · 1960

ВСЕВОЛОД ПАРХИТЬКО

Победители океана

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1960

Обложка и рисунки
Ю. Кершина

Курилы... Маленькая гряда островов у самого края советской земли — такими глядят они на нас с карты. Но надо побывать там, чтобы познать их первозданную красоту и величавость, надо увидеть волны океана, которые способны во время шторма расколоть огромный пароход, надо хоть раз попасть в настоящую пургу, когда ветер опрокидывает дома, рвет провода и ломает деревья, а снег слепит глаза и засыпает телеграфные столбы, надо взглянуть на суровые скалы, которые ведут вечную борьбу с водой, чтобы понять, каким мужеством должен обладать человек, который осмелится бросить вызов этому краю и его неуемной стихии, шторму, океану.

Там, на этих «самых дальних наших островах», как поется в морской песне, живут наши советские люди. На Курилах в одной из частей служили и те, о ком поэты складывают сейчас стихи, а компо-

зиторы — песни, чьи имена вошли в историю мужества и доблести нашего народа. Семь недель боролись они с океаном и победили. Как же все это было?

ШТОРМ

Еще накануне ничто не предвещало беды. Волны в бухте небольшого островка лениво набегали на берег, облизывали прибрежные камни. Спокойно было и в поселке, где несколько домиков напоминали о тепле и уюте, о том, что и на этих диких скалах есть человек. На этой земле росли и деревья. Они выделялись на фоне снега, и только по их наклону в одну сторону можно было догадаться, что кедрачи видывали на своем веку уже не одну бурю и не один ураган. Внизу рядом с поселком снег припорошил заросли большого курильского бамбука. А над поселком — величавая с черной острой макушкой сопка, один из многих вулканов Курильских островов.

Все вокруг было тихо и спокойно, и в эту тишину были погружены и сопка, и океан, и поселок.

В бухте, в двухстах пятидесяти метрах от берега, стояли две самоходные баржи. На них надписи: «Т-36» и «Т-97». На «Т-36» старшиной был младший сержант Асхат Зиганшин, на «Т-97» — младший сержант Петр Троцюк. На каждой барже, кроме старшин, находилось еще по три члена экипажа. Баржи ждали прихода корабля с грузом. Глубины у берега здесь небольшие, поэтому корабль обычно становится на рейде в бухте, а баржи его разгружают и перевозят грузы к берегу. Люди на баржах чувствовали себя спокойно: скоро придет пароход, а это значит — начнется привычный веселый гомон во время разгрузки, появятся новости с Большой земли и, конечно, будут весточки от родных и близких.

Но погода в этих местах коварна и обманчива. Еще в старину первые русские люди, пришедшие на Курилы на маленьких лодчонках-яликах, говаривали, что погода здесь точно красна девица — то хохочет, то плачет, то озорует, то свирепеет. «До двенадцати раз на дню меняется».

Океан был тихим 16 января 1960 года. А на рассвете 17 января он во всю силу проявил свой «нрав».

Сначала по вершине сопки пробежало легкое черное облачко, затем облаков стало два, три, и становилось все больше и больше.

В пять часов утра со стороны океана налетел сильный порыв ветра. Потом на несколько минут все утихло. Но вот ветер снова ворвался в бухту, с еще большим остервенением пронесся над нею. И снова стих. Казалось, он пробовал свои силы перед генеральной атакой.

Через несколько минут после первых налетов ветра повалил густой снег. Люди в поселке не видели ничего на расстоянии двух шагов — все скрывала сплошная белая завеса. Команды на баржах поняли надвигающуюся опасность: начинался шторм. Если сорвет с места, то либо выбросит на берег — и хорошо, если на пологий, а не скалистый, — либо унесет в океан. Выход один: обязательно удержаться на якоре.

А ветер все крепчал. Его скорость уже достигала пятидесяти — шестидесяти метров в секунду. В двенадцатибалльный шторм ветер дует по тридцать метров в секунду, сейчас ураган был в два раза сильнее. Океан показывал свою неуемную силу.

На берегу люди волновались. Появился первый тревожный сигнал: дежурный по подразделению принял радиограмму: «Терпит бедствие «Т-97».

Команда во главе с офицерами Е. Смусевым и А. Абрамовым бросилась на берег. В этот момент баржу «Т-97» уже выбросило. Ее экипаж с трудом вылезал из воды на снег.

Волны все ожесточеннее обрушивались на песок. Усилится ветер еще немного — и баржу снесет в океан. Надо сейчас же отвести ее за границу наката волн, вытащить на берег. Но как? Ведь она стоит бортом к берегу и руками ее не сдвинуть. Надо как можно быстрее повернуть ее носом к берегу.

На помощь вызвали тракторы. Один трактор уже стоял в воде около самой баржи. К нему прикрепили конец троса, второй трос надо было набросить на высокую тумбу на носу баржи. И все это предстояло сделать под ураганным ветром и в ледяной воде. Попробовали. Но волна мгновенно накрыла офицеров и солдат и сбила их с ног. Они с трудом выбрались из воды и снова пошли к барже.

Солдат Радецкий, когда его вода потащила в океан, попытался уцепиться за гусеницу трактора, но волна оказалась столь сильной, что его оторвало от машины. Радецкий еле выбрался. Чуть не унесло и младшего сержанта Жаркова. Он уже был в том месте,

где ноги не доставали дна, и терял силы. К нему на помощь бросились четыре солдата и лейтенант Абрамов. Жарков был спасен.

Рядового Рамоненко прижало волной к судну. Следующая волна могла качнуть баржу, и Рамоненко был бы раздавлен. Рискуя жизнью, лейтенант Смусев бросился на помощь солдату и оттащил его от опасного места.

Восемь часов боролись воины с ураганом и волнами. С большим трудом им удалось в конце концов тракторами вытащить баржу на берег и закрепить ее. Якорями стали два трактора.

В то время, когда эта группа вытаскивала баржу «Т-97», командование поддерживало связь с баржей «Т-36». «Т-36» была в бухте. Ее экипаж — четыре солдата — попал в такой жестокий шторм, какой случается в районе Курил раз в двадцать — тридцать лет. Но ребята не пали духом.

«Личный состав чувствует себя хорошо», — радировал на берег старшина Зиганшин.

В пятнадцать часов с баржи «Т-36» была получена последняя радиограмма:

«Держимся хорошо. Все в порядке. Выдержим. Зиганшин».

После этой радиограммы связь прервалась.

«Т-36»... «Т-36»... «Т-36», отзовись...» — запрашивало командование. Радисты Трубицын и Макаров не отходили от аппарата круглые сутки. Но «Т-36» молчала.

Было ясно: баржа попала в беду.

Капитан-лейтенант Перфильев принял все меры к спасению экипажа баржи. Были приведены в готовность самолеты и корабли, но жестокий шторм и ураган не давали возможности приступить к поискам.

ПОИСКИ

Можно было предположить, что «Т-36» где-нибудь выбросило на берег. И вот в пургу вдоль побережья отправляется группа лыжников во главе с лейтенантом Александром Абрамовым. С ним шли сильные, опытные солдаты — Стрельников, Маслюковский, Ольнев... Идти на лыжах оказалось невозможно, и вскоре их пришлось снять. Пошли пешком, утопая по пояс в снегу. Обследовали каждый метр

Младший сержант
Асхат Рахимзянович Зиганшин

побережья острова. Пурга заметала всё: камни, бугорки на поверхности земли, низкорослый кустарник, деревья. Солдаты коченели на ветру, снег застилал глаза, но они хоть и медленно, но шли вперед.

С трудом добрались до сопки. На другой ее стороне берег пологий — и четверо солдат с баржи «Т-36» могли оказаться там. На сопку поползли по-пластунски. Иначе было нельзя: встанешь во весь рост — собьет ураганом и унесет вниз. Поисковая группа проползла через сопку и выбралась на берег. В нескольких метрах от воды обнаружили резиновый сапог и две бочки. В одной было отработанное машинное масло, в другой — замерзшая пресная вода. Чьи они? Откуда? Как будто таких бочек на самоходной барже «Т-36» не было.

Прошли дальше. В нескольких десятках метров от первой находки извлекли из-под снега подушку для заделки пробоин. Лейтенант вздрогнул. Да, именно эту подушку несколько дней назад он лично передал младшему сержанту Зиганшину. Неужели баржу перевернуло и она, зачерпнув воду, ушла на дно? Неужели экипаж погиб?

Лейтенант гнал от себя черные мысли и приказал продолжать поиски. Обследовали весь берег, но никаких признаков экипажа Зиганшина больше обнаружить не удалось. Пришлось вернуться ни с чем.

А пурга все бушевала и шторм не прекращался.

Другая группа воинов, во главе со старшим лейтенантом Иваном Цирюлиным, исследовала береговую полосу бухты. Шли очень медленно, прощупывали под снегом и под толстым слоем морской капусты каждый вершок. Нигде ничего найти не удалось.

Но люди не теряли надежды, верили в то, что экипаж баржи жив. Рация работала все время:

«Т-36»... «Т-36», отзовись...»

Всё новые и новые отряды лыжников уходили в пургу. Один отряд, под командой лейтенанта Внукова, обнаружил на берегу три доски, которыми баржи снабжаются про запас на случай, если появится течь. Лейтенант нашел и дощечку настила, на которой чьей-то рукой четко было выведено черной краской: «Т-36».

Но значит ли это, что баржа погибла? Отнюдь нет. И командование приказало продолжать поиски.

27 января пурга стихла. Сразу же в воздух поднялся самолет. Командиром экипажа — Александр Тихонов. Самолет облетел все побережье, но ничего не обнаружил. Экипаж самолета внимательнейшим образом осматривал океан. Горизонт был чист.

Командир летного звена Чимбай, летчик Скрипников и другие летали на разведку в открытый океан на весь радиус действия своих машин. На базу возвращались угрюмые, с пустыми бензиновыми баками. Вести были неутешительные.

За океаном велись наблюдения и всеми техническими средствами.

С вертолета под командой старшего лейтенанта Виктора Кислицина было просмотрено все дно залива. На дне ничего похожего на баржу не просматривалось.

Рядовой Филипп Григорьевич Поплавский

Наконец в океан вышли суда пограничников, но к вечеру того же дня шторм возобновился. Суда вернулись в свои гавани, самолеты — на аэродромы.

Сильный ветер поломал лопасти вертолета. Экипаж отремонтировал их и, чуть стихло, снова поднялся в воздух.

Самолеты и корабли, используя каждый день, когда шторм хотя бы немного ослабевал, обследовали побережье островов и открытый океан — с запада и востока Курильской гряды. Самолеты использовали в тучах любой просвет, чтобы вырваться из сплошной завесы облаков, находили его, бросались в это «окно» и пролетали на бреющем полете над самыми волнами.

Поиски усилились, когда над океаном появилось солнце. Солда-

ты, летчики, моряки — все искали попавшую в беду баржу. Искали упорно, терпеливо, много недель кряду.

Капитан-лейтенант Перфильев знал, что у экипажа баржи аварийный паек рассчитан всего на двое суток. Но это страшное обстоятельство не останавливало борьбы за людей, терпящих бедствие. Всем хотелось верить, что они живы, — и поиски продолжались.

Дни шли за днями, недели за неделями.

Баржи «Т-36» никто не видел...

НА «Т-36»

Баржи стояли в бухте у «бочки» — на закрепленном на якоре своеобразном поплавке. К «бочке» была прикреплена баржа «Т-36», а к борту «Т-36» — другая баржа, «Т-97».

Как только положение стало серьезным, Асхат Зиганшин приказал дать сигнал тревоги. Иван Федотов начал крутить ручную сирену. Из кубрика выскочили на палубу Филипп Поплавский и Анатолий Крючковский: они отдыхали после смены.

Часа два после начала шторма обе баржи держались у «бочки». Но океан свирепел с каждым часом. Волны уже перекатывались через эти суденышки. В сплошной пелене брызг и снега трудно было дышать.

В половине девятого утра лопнул трос, который соединял две баржи. Судно Петра Троцюка начало относить к середине бухты. Команда включила моторы. Ценой огромных усилий экипажу вновь удалось приблизиться к «бочке» и закрепиться у кормы «Т-36». Вся четверка под командой Асхата Зиганшина помогала крепить баржу товарищей.

А океан, словно недовольный храбростью людей, неистовствовал. Он снова и снова обрушивал на баржи громады ледяных волн. Водяные валы захлестывали, заливали утлые посудины, приспособленные ходить только в бухтах да вдоль берегов.

И сталь не выдержала. Лопнул трос, крепивший баржу «Т-36» к «бочке». Надвигалась катастрофа.

Баржи еще были соединены между собой капроновым канатом. Когда лопнул трос, оба суденышка начало болтать на высоких вол-

Рядовой Анатолий Федорович Крючковский

нах. Теперь медлить было нельзя. В любое мгновение очередной вал мог столкнуть баржи, раздавить их, смять и проглотить в пучине.

— Руби канат! — скомандовал Зиганшин.

Иван Федотов, держась одной рукой за борт, другой, в которой был топор, выполнил приказание. Капроновый канат был разрублен. Федотов висел над пучиной, ледяная вода пропитала бушлат, гимнастерку, белье.

В это время Асхат Зиганшин разговаривал по радио со своим соседом:

«Т-97»... «Т-97»... Выходи на середину бухты».

«Т-36»... Понял. Согласен. Давай держаться вместе».

Так началось утро. Сейчас в бухте уже ничего не было видно. В волнах и белом вихре снега «Т-97» исчез, исчез и берег.

«Т-97»... «Т-97»... Где ты?»

«Слышу... Иду...»

Но куда он шел, Зиганшин уже не понял. Связь прервалась. Младший сержант не знал, что «Т-97» несло к берегу.

Зиганшин вызвал по радио командование, передал сообщение:

«С «бочки» сорвало... Нахожусь примерно в центре бухты. Держусь».

Ему ответили:

«Поддерживайте связь через каждые пятнадцать минут...»

«Есть!»

В это время перед баржей выросли скалистые берега бухты.

— Включай мотор! — крикнул Зиганшин в ухо товарищу, стараясь побороть грохот океана и вой урагана.

У моторов стояли оба моториста: Филипп Поплавский и Анатолий Крючковский. Они включили двигатели, и баржа, преодолевая ветер и волны, благодаря неимоверным усилиям ее экипажа отошла от опасного места.

Когда непосредственная опасность прошла, моторы выключили: надо было экономить горючее, никто не знал, сколько продлится шторм.

Прошло не больше получаса, и скалы появились слева по борту. И снова мотористы услышали голос командира:

— Включай мотор!

У штурвала стоял сам Асхат Зиганшин. Он оставлял руль только для того, чтобы по радио связаться с берегом. В эти минуты баржей управлял Иван Федотов.

А океан все клокотал. Грозная стихия словно смеялась над маленькой баржей, которая вздумала выстоять против нее.

Несколько раз почти у самого носа или борта появлялись камни. Это была верная смерть. Любая пробоина, удар о скалу — и все бы кончилось. Но экипаж «Т-36» продолжал борьбу. Ребята включали моторы, старшина до боли в суставах сжимал штурвал и снова и снова выводил баржу в море.

Так продолжалось весь день. К вечеру ураган сорвал антенну, и связь с берегом прекратилась. «Эх, Анатолия бы сюда! Может быть, и поправил бы», — подумал Асхат Зиганшин. Но Анатолий Лелетин, радист баржи, за несколько дней до этого заболел и его отправили на берег.

Рядовой Иван Ефимович Федотов

К вечеру баржу уже трудно было узнать: она была похожа на большую льдину. Ветер, снег и ледяная вода — температура океана у Курил в те дни была около нуля — сделали свое дело: суденышко покрылось сплошной коркой льда. И казалось, что по бухте мечется неизвестно как попавший сюда большой айсберг. На солдатах обледенели бушлаты, гимнастерки, шапки и валенки. Соленая вода разъедала царапины и ссадины. От боли и усталости изнемогало тело.

Четыре человека продолжали схватку.

Наступала ночь. Морская вода пропитывала все, проникала даже в топливные баки. Начинали глохнуть двигатели.

— Топливо на исходе! — крикнул в ухо старшине Филипп Поплавский.

Да, горючее кончалось. Положение становилось все более сложным.

Тогда командир принял решение спасти судно, выбросив его на песчаный берег северной части бухты. Включили моторы и стали медленно подходить к земле.

Иван Федотов открыл дверь в маленькой рубке и напряженно всматривался в темноту, стараясь рассмотреть очертания берега.

Потоки ледяной морской воды, перемешанной со снегом, слепили глаза. Удары волн валили Федотова с ног. Внезапно прямо перед носом судна, там, где, казалось, должна была быть песчаная отмель, Федотов увидел огромную глыбу скалы.

— Чертова сопка! Назад! — крикнул он командиру.

«Чертова сопка» — это самая опасная скалистая гряда на всем островке. Острые камни выступали здесь из воды на два-три метра.

У штурвала стоял Асхат Зиганшин. Рядом был Иван Федотов. Волна увлекала баржу прямо на скалу. «Конец!» — промелькнуло в голове у Федотова. Он невольно прикрыл глаза, а когда их открыл, скала была уже позади.

Нет, недаром учился Зиганшин в школе рулевых и закончил ее, получив «отлично» почти по всем предметам. Его находчивость и умение спасли жизнь всему экипажу.

Решили опять искать удобный участок на берегу, чтобы выбросить туда баржу.

Океан продолжал грохотать. Огромная волна смыла с палубы ящик с углем для печки, бочонок с маслом для двигателя, подушку для заделки пробоин, дощечки настила. Сорвало проводку от аккумуляторов к сигнальному огню. Стихия хотела доказать свою власть над людьми.

По радио их предупредили:

«Т-36»... «Т-36»... Шторм усиливается. Держитесь. «Т-36», где вы?..»

Но ответить они не могли. В эту минуту Филипп Поплавский доложил старшине:

— Кончилось горючее. Баки пустые.

Так начался дрейф. В шторм в безбрежный океан уносилось суденышко, на котором лицом к лицу с грозной опасностью встретились четыре молодых человека.

КТО ОНИ?

На борту баржи «Т-36» жизнь свела четверых. Вот их имена и звания:

Младший сержант Асхат Рахимзянович Зиганшин.

Рядовой Филипп Григорьевич Поплавский.

Рядовой Анатолий Федорович Крючковский.

Рядовой Иван Ефимович Федотов.

Кого из них ни спроси о его прошлой жизни, он сказал бы, что в ней не было ничего примечательного, что он «такой, как все». Жил дома, в семье, ходил в школу. Потом работал, был призван в ряды Советской Армии.

Все они почти одногодки. Асхату и Ивану — по двадцать два года, Филиппу — двадцать один и Анатолию — двадцать.

Большая семья у Зиганшиных. Отец, Рахимзян Зиганшевич, работает конюхом пункта «Заготзерно» в одном из районов на Волге.

Хороших детей воспитали Рахимзян и Хатыма Зиганшины. Их дочь Сания работает учительницей в Азербайджане, Наиля — акушерка в Лениногорске, сын Михаил — лаборант районной больницы. Асхат — четвертый.

Асхат Зиганшин родился в маленьком селе Шентале на стыке лесов Татарии и Куйбышевской области. В седьмом классе он подал заявление в комсомол. На листке, аккуратно вырванном из тетради, Асхат написал:

«...Я обещаю быть дисциплинированным, достойным гражданином Советского Союза».

Учился он хорошо. Но никогда и никто про него не мог сказать, что это пай-мальчик или зубрила. Таких ребят, как он, много. Особенно любил он гармошку, пробовал на ней играть. Зимой ходил на лыжах, летом катался на велосипеде. Рисовал неплохо. На школьных конкурсах его работы занимали первые места.

Директор Шенталинской средней школы Борис Николаевич Кафидов — отличный лыжник. Часто ходил он с ребятами в походы. Однажды отправились в дальний агитпоход. Под конец стало трудно с продуктами. Оказалось, что некоторые ребята съели все свои запасы в первые же дни. Асхат был в числе тех, кто строго соблюдал

режим. Все, что у него осталось, он отдал, чтобы разделить между всеми товарищами.

Потом Асхат учился на тракториста. Во время учения подрабатывал грузчиком на железной дороге.

А когда кончил училище механизации сельского хозяйства, стал одним из лучших здешних трактористов. Работал на полях колхозов «Марс» и «Имени XX партсъезда». Всегда в полтора-два раза перевыполнял норму.

Но не только семья и школа воспитывали Асхата. Он вырос в Советской стране, и вся окружающая жизнь, вся наша действительность помогали его росту. Шенталинский район, где он родился, прекрасный пример того, как в нашей дружной семье народов живут и здравствуют люди разных национальностей — татары и русские, чуваши и башкиры. Этот, в общем, небольшой район дал Родине одиннадцать Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда.

Асхат Зиганшин учился в армии управлять судами. Уже через месяц пребывания в армии в учебном подразделении на Доске отличников была помещена его фотография. А учиться ему было трудно. Надо было освоить более десятка различных специальных дисциплин.

Но вот он получил удостоверение старшины катера и с этим удостоверением — право на самостоятельное управление судами водоизмещением до ста тонн. В это же время он был награжден похвальным листом.

В армии Асхата Зиганшина уважали. Во внеслужебное время товарищи звали его простым русским именем — Виктор. Так было легче, да и он привык к этому имени с детства. Даже в комсомольском билете было написано: «Виктор». Виктора избрали групкомсоргом взвода.

Часто в Шенталу приходили письма. Асхат писал родным и знакомым, делился всем новым и интересным, что пришло в его жизнь.

Вот что писал Асхат своей школьной подруге Вале Плехановой:

«...Завтра выходим в Тихий океан. Нас четыре человека. Ничего, кроме бурлящей воды, а как подует сильный ветер и начнет штормить, наше суденышко бросает по волнам. Но ничего, приходится держаться, раз уж назвался моряком!»

Последнее письмо в ее адрес Асхат отправил за восемь дней до трагического случая в бухте. В письме говорилось:

«...Вот так и бывает, нагрянет ветерок метров 45—50 в секунду, подует сутки, двое, и опять тихо...»

* * *

Железная дорога не проходит через Чемеровцы. В этом глубинном поселке на Украине жил Филипп Поплавский, самый младший из четырех детей Александры Юлиановны.

Как-то шестиклассник Филипп смастерил с друзьями небольшую самодельную лодку, и они проплыли на ней по реке тридцать километров.

Филипп окончил семилетку и пошел работать в районный отдел коммунального хозяйства. Строил жилые дома, районный Дом культуры. И специальность добрую приобрел — штукатур. Любил свое дело, а по вечерам играл на гармошке. И не только на гармошке — умел играть на нескольких инструментах. Получал грамоты за участие в художественной самодеятельности. В районе его знали и как хорошего спортсмена. На соревнованиях по лыжам он занял второе место.

В воинской части Филипп ждал фотографии девушки из Тернопольской области. Он знал ее давно, — встретил в родном районе. Она приезжала на практику, а потом осталась здесь преподавать музыку и пение. Но фотография шла что-то долго...

* * *

Анатолий Крючковский — земляк и сверстник Поплавского. Он с Винничины. Там, в поселке Турбов, над обрывом реки — садок и хата, где живет его семья. Отец погиб на фронте.

Как жил Анатолий Крючковский? Обыкновенно. Рос в трудовой семье, учился в школе. Очень любил спорт.

Анна Федоровна Крючковская, мать Толи, говорила сыну:

— Самое большое счастье в жизни — честный труд для людей.

Весной 1954 года ученик седьмого класса Толя Крючковский писал сочинение на тему: «Кем я хочу быть». Виктория Яковлевна Лапинская, учительница украинской литературы и языка, с волнением читала дома сочинение семиклассника.

«Море... — писал Толя. — Я люблю тебя, море! По твоим волнистым просторам беспрерывно ходят корабли. Ты чаруешь меня своей красотой. Как мечтаю я совершить путешествие по твоим бескрайним просторам! А как хочу я совершить подвиг, чтобы прославить свою Родину мужеством советских людей! Это и есть моя заветная мечта — стать моряком. И мысль у меня одна: вот закончу школу — и в мореходное училище. Я знаю, что путь себе я уже избрал...»

Он кончил школу и поступил слесарем на сахарный завод. Ожидал призыва в армию. А когда призвали, мечта сбылась: послали служить на море, на суровое море — Тихий океан.

* * *

Иван Федотов вырос на Амуре. Село Богородское раскинулось на берегу широкой реки, в восьмистах километрах восточнее Хабаровска. Там на Пионерской улице в доме № 33 живет дружная семья Федотовых.

Глава семьи — Ефим Трофимович, уважаемый человек в округе. Портрет коммуниста Федотова можно увидеть на районной Доске почета. В семье Федотовых восемь детей. Евдокия Васильевна награждена орденом «Материнская слава». Кроме того, у нее на груди еще две медали за подвиги в труде.

Дальневосточники — народ смелый, закаленный в борьбе с природой. Братья Ивана — комсомольцы Николай и Василий — не раз проявляли отвагу в дни бурных паводков.

С детства был влюблен в Амур и сам Иван. Уже в шестнадцать лет он служил матросом на катере. Амур в низовьях у села Богородского так широк, что больше похож на море, чем на реку. Летом в селе единственный вид транспорта — катера да лодки. Не за тихий нрав древние китайские племена назвали Амур «Хэйлуцзян», что значит «Река Черного дракона». Штормы и бури здесь настоящие, морские. Ваня полюбил могучую реку и решил стать шкипером, как отец.

На Амуре и довелось Ивану Федотову проявить свой характер.

В одно из первых плаваний на катере «Невельский» Иван Федотов заменил у машины механика. Шли ночью, и катер на полном ходу налетел на плот, сигнальные огни у которого оказались пога-

шенными. От сильного толчка Иван упал. Вдобавок на ноги ему свалился тяжелый ящик с инструментами. И именно в эту минуту он услышал команду:

— Полный назад!

С трудом дотянулся Иван до рычага, переключил его в необходимое положение и только после этого сбросил с себя ящик. Осмотрел ноги. Кости как будто целы, но на обеих ногах огромные кровавые раны. Несмотря на боль, он весь остаток ночи нес вахту — не покинул поста.

Позже Иван Федотов жил в Комсомольске-на-Амуре, там заканчивал ремесленное училище. Работал и на сборке судов во Владивостоке.

В мае 1958 года юноша возвратился в Богородское и получил должность помощника старшины на катере отца. Когда старенький катер был списан на слом, энергичному и трудолюбивому пареньку предложили работать шкипером на пристани.

За несколько месяцев до ухода в армию Иван познакомился с Ириной. Девушка только что окончила десятилетку. Молодые люди поженились.

И вот он в армии. Экипаж баржи «Т-36» с радостью принял в свой коллектив нового товарища. Здесь родилась их дружба — настоящая, верная, солдатская.

Иван Федотов часто писал домой. Его письма к жене полны доброго, светлого чувства.

«Иринка, родная моя, здравствуй!

Получил твое письмо, которое с нетерпением ждал и за которое тебя очень благодарю.

Крепко-крепко тебя целую. Твой муж Иван.

10. X. 1959 года».

«Иринушка, родная моя, здравствуй!

Ты пишешь, что с нетерпением ждешь от меня каждое письмо. Я тоже. Я очень рад, что ты мне так веришь, и никогда не потеряю твоего доверия. Я так тебя люблю, как, наверно, никто не любил свою жену или девушку...»

«...Очень скучаю по тебе. В ночь на 1 января был в наряде. Сейчас на катере. Здоровье у меня отличное. Ты спрашиваешь, как назвать сына или дочь. Если будет дочь, то назовем ее Ириночка —

и больше никак. Это имя самое дорогое для меня. Ну, а если будет сын, то я прошу — назови его Александром...»

Это письмо было отправлено 14 января. Иван писал не только жене, но и родителям. В последнем письме, полученном ими, он описывал океан:

«...Дуют сильные ветры. Дуют по нескольку суток подряд. Катер сильно болтает. К берегу не подходим по три и даже по пять дней. Все время стоим на рейде. Когда ветер дует с океана, катер ложится в дрейф...»

Это письмо с датой 15 января Иван отправил за два дня до начала урагана.

После того писем не было. Родители встревожились. Волновалась и молодая жена. Шли недели, а вести от Ивана не приходили. Он приблизительно знал, когда Ирина должна отправиться в родильный дом, но и к этому дню письма она не получила. Ирина родила сына, его назвали так, как хотел отец, — Александром. Послали Ивану поздравительную телеграмму. Ответ не пришел.

Тревога за Ивана росла...

ЗАКАЛКА

Говорят, что у хороших родителей дети не замечают, как их воспитывают. Так и солдаты, о которых мы рассказываем, не заметили, как их воспитали школа, комсомол, армия, партия, Родина. Воспитали преданными и верными сынами, готовыми и на борьбу и на подвиг.

Всех четверых Родина направила служить в дальний суровый край. Испытания подстерегают каждого, кто живет на Курильских островах. Недолго пробыли молодые солдаты на этой земле, но им уже не раз приходилось вступать в схватку с природой.

...9 ноября 1959 года на рассвете в бухту их острова последним рейсом в эту навигацию зашел пароход. Неожиданно небо почернело: на остров надвигалась буря. Пароход должен был сейчас же уходить, и капитан сказал, что он не может оставаться на рейде больше часа, между тем именно сейчас подойти к берегу и взять пассажиров было невозможно.

— Вот он, маленький Саша, — радуется Ирина Федотова

— А как же жители? — спросили его. — Неужто им оставаться до следующей навигации на острове? Ведь многие едут на материк по срочным делам.

Вызвали самоходную баржу и решили с ее помощью, несмотря на штормовой ветер, посадить пассажиров на пароход. За рулем баржи стоял Асхат Зиганшин. В состав экипажа входили Ф. Поплавский, В. Душкин и В. Василенко. У пирса отшвартоваться было нельзя: баржу могло разнести на куски.

Ловко маневрируя, удачно используя моменты отката волны, Зиганшин в какие-то мгновения подставлял баржу к пирсу, и в нее впрыгивали люди. Когда волна накатывалась, Асхат отталкивал баржу подальше от опасного места. Так продолжалось несколько раз, пока все люди не сели в баржу.

По штормовым волнам суденышко поплыло к пароходу. Высадка пассажиров происходила таким же манером, как и посадка. В один из подходов к пароходу моторист Филипп Поплавский заметил, что машинное отделение заливает водой. Он начал было ее отсасывать, но вода прибывала быстрее, чем ее откачивали. Что было делать? Сказать пассажирам — значит вызвать панику. Бездействовать — значит, через некоторое время баржа вместе с людьми пойдет ко дну.

Поплавский бросился к Зиганшину. Младший сержант быстро оценил обстановку.

— Качай! А я буду искать пробоину.

На верху баржи пассажиры, ничего не подозревая, переходили на пароход, а внизу, в ледяной воде, Асхат Зиганшин ощупывал обшивку и Филипп Поплавский качал воду. Пробоина оказалась под холодильниками двигателя. Зиганшин крикнул Филиппу: «Иди сюда, помогай!» И они вдвоем заделали пробоину досками и промасленной паклей. Люди были высажены и баржа спасена. Умелые действия экипажа были отмечены командованием в приказе.

Все они образцово несли службу. Зиганшину было присвоено звание — лучший старшина, а Поплавскому — лучший моторист подразделения. Рядовые Крючковский и Федотов только за последнее время за отличные успехи в боевой и политической подготовке и образцовое выполнение воинского долга заслужили по два поощрения.

В январе 1960 года Зиганшин и Поплавский должны были быть сфотографированы у развернутого знамени части. Но их сфотографировать не успели, жизнь подготовила им неслыханное испытание.

Нет, никогда не думал тракторист Асхат Зиганшин, что́ ждет его на Тихом океане в дни службы. Не предполагал штукатур Филипп Поплавский, что его профессия может понадобиться в штормовом море, что многие дни ему придется «штукатурить» пробоины на маленьком суденышке. Не догадывался слесарь Анатолий Крючковский, что многие дни подряд под ним будет толща воды в десять тысяч метров и он будет показывать своим товарищам, как сделать из гвоздя рыболовный крючок. А если бы шкиперу почтового амурского катера Ивану Федотову сказали, что он будет стоять у штурвала почти такого же небольшого суденышка и вести его прямо на волну высотой в тридцать метров, он в ответ только улыбнулся бы— слишком невероятными показались бы даже ему, бывалому дальневосточнику, все подобные предсказания.

Но невероятное случилось!

ЛЮДИ И ОКЕАН

«Т-36», отвечайте... «Т-36», отвечайте...»

Асхат Зиганшин слышал берег. Он пробовал отвечать, но берег его не слышал. Рация оказалась поврежденной.

Их искали, а они не могли ответить и сообщить, где находятся!

Друзья на берегу, товарищи по подразделению волновались за них. А они ничего не могли сделать, чтобы возвратиться к себе в бухту: горючего не было, судно легло в дрейф. Их несло в открытый океан.

Это случилось к десяти часам вечера 17 января.

Связь с берегом прекратилась.

Они остались одни. Четыре советских солдата и Тихий океан. Люди и океан.

Был у них и пятый товарищ в беде — баржа. Они знали ее вдоль и поперек. Длина — семнадцать метров тридцать сантиметров, высота борта — два метра шесть сантиметров, средняя осадка с полным грузом — метр двадцать четыре сантиметра. Наибольшая

длина трюма — одиннадцать с половиной метров, ширина — три метра шестьдесят сантиметров. Водоизмещение — около ста тонн.

Все это они знали наизусть. Но сейчас весь груз на ней — четыре изможденных, измученных солдата, четыре жизни. А размеры?.. Что им до размеров, если в трюме вода — самый страшный груз в бушующем океане. Воду надо выкачивать. В машинном отделении вода, ее тоже надо оттуда удалить.

На барже два двигателя. Когда-то они заставляли этот корабль идти со скоростью до девяти — девяти с половиной узлов в час. Запас топлива обеспечивал работу двигателей на сто часов. Но перед штормом у них было горючего всего на одни сутки, и что толку теперь от всех этих механизмов, если нет главного — бензина.

Правда, на барже есть источники тока — генератор и аккумуляторные батареи. Наибольшую ценность представляют батареи, с ними придется бережно обращаться. Они будут очень нужны, если придется ночью подавать световые сигналы.

Асхат Зиганшин обдумывал все, что случилось. Он досконально продумывал все плюсы и минусы маленькой скорлупы, в которой они оказались в штормовом океане.

К достоинствам баржи относились междудонные и бортовые отсеки. Пробьет один такой отсек, можно его перекрыть и плыть дальше. Баржа устойчиво держалась на поверхности. Ее ширина — пять метров тридцать сантиметров — позволяла ей выстаивать при шторме. Еще у нее есть система трубопроводов и ручной насос — с их помощью можно осушить кормовой отсек и моторное отделение. Есть и ручной переносный насос, чтобы осушать междудонные и бортовые отсеки. Есть на барже небольшой кубрик для отдыха, он расположен на корме.

Но все это судно рассчитано только на перевозку небольших грузов вдоль побережья. Барже строжайшим образом не разрешалось отрываться от пирса, если на море было свыше четырех баллов.

А сейчас жестокий шторм бросал ее по волнам в открытом океане. Водяные валы высотой с многоэтажный дом обрушивались на суденышко. В таких условиях терпели бедствие и даже гибли крупные океанские корабли. А эта баржа выдерживала все испытания: у нее и конструкция была хороша, и металл надежный. Сколько раз на гребне волны друзьям казалось, что еще секунда — и волна вот-

вот перевернет их «островок», но через мгновение баржа вновь становилась в горизонтальное положение и продолжала жить, чтобы еще через какой-то промежуток времени вновь накрениться в другую сторону.

На мачте баржи были смонтированы ходовые и клотиковые [1] огни. Для связи и сигнализации можно использовать клотиковый фонарь и сигнальный прожектор. Их надо зажечь, если в океане появятся огни корабля. Но кругом была одна вода — вода и вода, брызги и пена, волны и валы, ветер да шторм.

Наступила ночь. Первая ночь дрейфа...

Они зажгли огни, начали подавать световой сигнал «SOS». А один из них, тот, кто стоял на вахте и всматривался во тьму океана, искал спасительный огонек. Но вокруг лишь выли вода и ветер.

На барже было два компаса — один в ходовой рубке, другой на верхнем мостике. Но моторы не работали, и стрелка компаса показывала только то, как суденышко стоит по отношению к сторонам света. Волны и ветер вертели эту плоскодонную посудину, и стрелки компасов вертелись во все стороны.

В днище машинного отделения Филипп и Анатолий нашли пробоину. Заделали ее и принялись откачивать воду. А океан, как бы в отместку, хлестал баржу своими волнами, хлестал жестоко, зло, упрямо.

В один из ударов шквальной волны опрокинулся бак с пресной питьевой водой. Бак подняли, но часть воды утекла. Волна захлестнула и в него. Пресная вода смешалась с морской.

Еще были теплыми двигатели, и солдаты по очереди спускались в машинное отделение, чтобы чуть-чуть отогреться: они насквозь промокли.

А шторм не утихал. Синели губы, отказывались повиноваться пальцы, судорогой сводило мышцы рук и ног. Казалось, что этому аду не будет конца.

Нервное напряжение достигло предела. Быть может, потому этих людей — до мозга костей сухопутных, никогда не видевших моря и до службы на Курилах не знакомых с ним, — не свалила морская болезнь. Их и не укачивало.

---

[1] Клотик — наделка на верхнем конце мачты.

Всю ночь Филипп и Анатолий откачивали воду из трюма, задраивали люки, заделывали пробоины. Асхат и Иван стояли по очереди у штурвала, стараясь направить баржу прямо в гриву несущейся волны, направить так, чтобы отбить эту атаку и выстоять. Но, едва откатывался один вал, за ним появлялся другой, третий, и не было им ни конца ни края... И так всю ночь.

18 января утром скорость ветра достигала уже ста двадцати километров в час. Температура воздуха понизилась до десяти градусов ниже нуля.

Когда начало светать, Асхат Зиганшин выбрался на палубу и посмотрел на мостик. Ему все стало ясно: связи не было, потому что ураганом была сорвана антенна.

— Иван, надо починить! — крикнул он товарищу.

По очереди они взбирались на верхний мостик и, рискуя каждую минуту быть смытыми в пучину, с большим трудом исправили повреждение.

Асхат снова надел наушники. Он услышал слабые сигналы: «Т-36», отвечайте... «Т-36», отвечайте...»

Но ответить он не мог.

АВРАЛ

Что было делать? Поддаться отчаянию? Сдаться шторму? Струсить и сложить руки? Нет, на это Зиганшин не был способен.

— Будем бороться, — сказал он ребятам и стал у штурвала.

Шторм не унимался.

19 января ураган продолжал гнать суденышко в открытый океан.

20 января шторм начал ослабевать и к следующему дню достигал лишь шести-семи баллов.

На несколько часов океан затих. Он окутал баржу густым туманом, словно задался целью скрыть ее от взора всего живого.

Асхат еще раз включил рацию. Доносились обрывки фраз на незнакомом языке, слышались сигналы японских станций, но родных курильских позывных он не слышал.

— Плохи дела, товарищи, связи нет, — сказал он. — Будем дрейфовать, и, может быть, долго.

Он вышел на палубу. Ветер дул на северо-запад. «Может, принесет к Камчатке или к северным Курилам», — мелькнула мысль. Сказал об этом товарищам. Те согласились. Но они не были моряками и не знали, что в этих широтах их подхватило мощное течение и потащило на юго-восток.

Они решили привести свое судно в порядок. Осмотрели внутренние помещения. Выводы были неутешительными: везде вода, все промокло.

— Что будем делать? — спросил старшина.

Сам он уже знал, что надо делать, но, как опытный человек, старший по званию, хотел выяснить настроение своих подчиненных.

— Как — что? Все нужно чинить, — ответил порывистый Анатолий Крючковский. — И машины надо исправить. Все, что можем, нужно сделать.

— Правильно, Анатолий, — одобрил слова солдата Зиганшин.— Тогда аврал!

Так и получилось, что первый предложил навести порядок на барже Анатолий, хотя инициатива в этом деле исходила, конечно, от старшины.

Работы было много. Откачивали воду. Сушили обмундирование и постельные принадлежности, приводили в порядок кубрик, закрепляли все, что было сорвано со своих мест.

Пробковыми поясами растопили печку, сварили обед и поели — в первый раз с того момента, как их оторвало от «бочки» в бухте.

Усталые и измученные, они только на четвертые сутки прилегли на несколько часов поспать. Спали по очереди, сменяя друг друга на вахте, как заправские моряки.

Асхат Зиганшин осмотрел скудные запасы продовольствия. Одна буханка хлеба, килограмм крупы, шесть пачек чая и три пачки кофе. Все пропитано морской водой, отдает солью океана. Намокли и мизерные запасы табака.

Посмотрел картофель. Он лежал в двух ведрах. Всего его — около двенадцати килограммов, но почти каждая картофелина забрызгана соляровым маслом.

Не тронуты только одна банка жира и две банки мясных консервов, причем одна из них уже начата.

Вот и все запасы.

— Нужно экономить продукты. Началась плавучая жизнь, и мы не знаем, когда нас найдут, — сказал старшина.

Молча все согласились с этими словами.

Но погода дала им слишком короткую передышку. 22 января обрушился новый шторм. Он пришел от средней части Японских островов и снова вызвал усиление ветра до двадцати метров в секунду.

Океан опять заревел...

Мы не всегда вдумываемся в слово «отличник». Все четверо были отличниками боевой и политической подготовки, и в эти дни они должны были на деле доказать, какова их готовность к этой борьбе.

Океан направлял на крохотную баржу всю свою злобную мощь. Но люди отдавали спасительнице-барже всю свою отвагу, и баржа их не подводила.

«ВЕДЬ МЫ — СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ!»

Шли последние дни января. День сменялся ночью, ночь — днем, а кругом по-прежнему, насколько хватал глаз, простирался океан.

Казалось, теперь он по-иному решил покорить безумцев, вступивших с ним в единоборство. В лоб не взял — задумал взять измором. Обрушит огромный вал, потреплет баржу так, что все на ней заходит ходуном, люди ударяются головами о стенки кубрика, исцарапывают в кровь разъедаемые солью руки и ноги, а затем отступит, отойдет на день, на два.

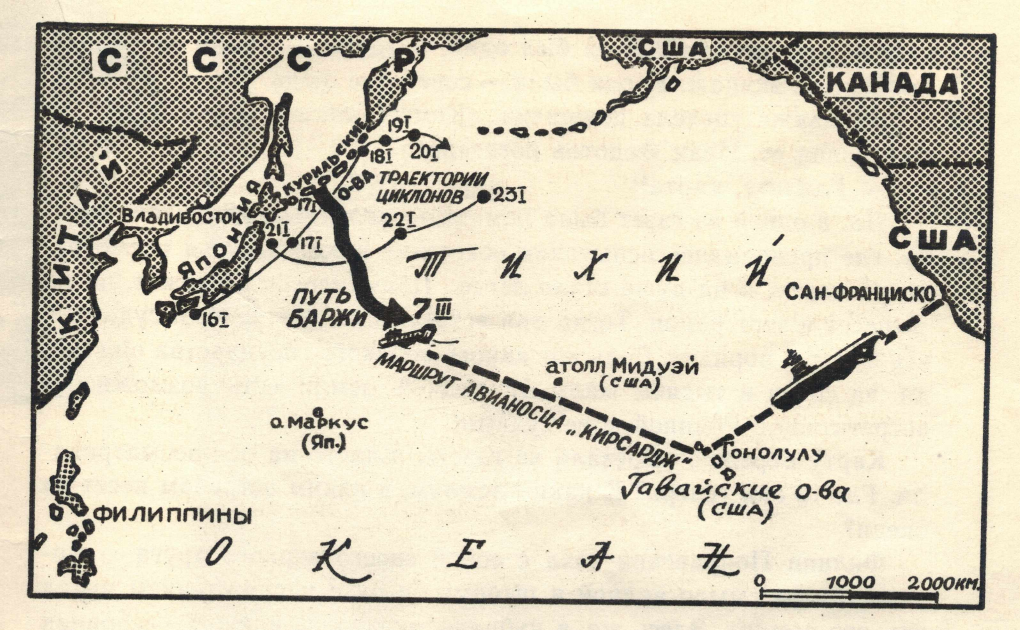
Но люди не ныли. Не погибать же ни за что ни про что! Не тому их учили дома, в школе, в армии. Им говорили другое — безвыходного положения нет! И они были уверены, что рано или поздно, но спасение к ним придет.

Книголюб и рассказчик Иван Федотов в те дни, когда океан смирел, читал книги или рассказывал разные истории.

— А челюскинцев помните?

И он излагал во всех подробностях историю легендарного дрейфа и гибели «Челюскина», и то, как спасли тогда людей.

— А знаете, как трудно приходилось папанинцам? Их тоже было четверо.

Карта штормового дрейфа баржи «Т-36». Стрелка заканчивается в том месте, где баржа встретилась с американским авианосцем «Кирсардж»

На этот раз он намеренно забывал про то, что у папанинцев была постоянная и устойчивая связь с Большой землей.

Иван был неистощим на выдумки. Вспоминал Алексея Маресьева и добавлял:

— Вот он, рядом с нами. Стоит и говорит: «Крепитесь, братки! Ведь мы же — советские люди!»

Однажды разговор зашел о героях Брестской крепости.

— Им в сотни раз труднее было: знали, что погибнут... А мы уверены, что нас найдут.

Речной шкипер оказался неплохим матросом. Он пришел на баржу всего за две недели до начала дрейфа, а показал себя работником умелым, знающим, человеком большой энергии, товарищем, который умеет высоко ценить дружбу.

Филипп Поплавский вслух читал книгу. Называлась она «Мартин Иден». Герой этой повести, одинокий сильный человек, боролся в мире, где эгоизм брал верх над человеколюбием, а предатель-

ство — над дружбой. И он был один, а здесь их было четверо — коллектив, экипаж. И они были — советские люди.

На барже уцелела подшивка «Комсомольской правды». Просматривая ее, Иван Федотов повеселел:

— Глядите, карта!

Да, в одной из газет была помещена карта района Тихого океана, где проводились испытания советских ракет. Друзья посмотрели на карту, и на душе стало легче. Подумалось: а может, и их вынесет в этот район. Тогда они встретятся с советскими судами и все будет в порядке. Ведь вот какого великого государства они люди: за сотни и тысячи миль от родной земли есть возможность встретиться с Родиной, с ее судами!

Карту бережно вырезали из газеты и часто на нее посматривали. Где-то они теперь? К каким землям, к каким островам несет их океан?

Филипп Поплавский взял с собой своего верного друга — гармонь. Ее не смыло волной в штормы, и он с наслаждением играл все, что помнил. Здесь же, в кубрике, оказалась книжка — сборник песен советских композиторов. По нескольку раз игралось все, что было в этом сборнике. Пели вместе. Любимыми стали слова:

Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.

Нет, не пойдет ко дну «гордый Варяг» со скромным названием «Т-36». Не сдастся океану. Недаром их судно занимает первое место в подразделении.

Вспоминали оставшихся на берегу друзей, представляли, как они там живут, что делают. Беспокоили думы о родных.

ГОЛОД

К шторму прибавилась другая беда — голод.

Запасы таяли, хотя солдаты варили суп всего лишь раз в день. Сваренный картофель отдавал соляровым маслом, но на это не приходилось обращать внимания.

Кончился табак. Отложили «неприкосновенный запас» — всего на одну цигарку.

Соль уничтожил шторм. Но суп, в котором было несколько картофелин, ложка крупы и ложка мясных консервов, все же подсаливали. «Солью» служила морская вода.

27 января Анатолию Крючковскому исполнился двадцать один год. В день рождения товарища старшина приказал сварить торжественный обед: в суп положили две лишние картофелины. Хотели их дать имениннику, но он решительно возразил:

— Нет, только поровну.

Предложили ему лишние полкружки воды — он отказался и от этого:

— Я такой же, как и вы. Незачем меня выделять.

Такова солдатская дружба. Крепкая и душевная, она помогала товарищам преодолевать невзгоды. Много раз на службе бывалые воины говаривали им, что солдатская дружба важна и дорога, но только сейчас, в бушующем океане, в дни бедствия, они поняли и оценили ее истинную силу.

Душой экипажа стал старшина баржи младший сержант Зиганшин, необычайно скромный человек. У него были все качества, нужные командиру: воля, требовательность, умение ориентироваться в любой обстановке, инициатива. Он сплотил маленький коллектив и личным примером вселял в товарищей мужество и бодрость.

Суп варили по очереди, и хотя они ели только по разу в день, запасы продовольствия таяли.

Они, к сожалению, не знали, что в океане есть планктон, что его можно употреблять в пищу. Это не раз доказывали опытные ученые, знавшие море люди. Но наши солдаты, невзирая на одолевавший их голод, решили выстоять. Выстоять во что бы то ни стало. И для этого они установили жесткий режим — распределили остатки пищи и воды с суровой непреклонностью.

Так прошло пятнадцать дней. Взбешенный океан не хотел уступать. Он швырял баржу, старался вытрясти из нее людей. Но люди, бросив вызов океану, не покорялись. Свинцовые воды океана столкнулись с железной волей советских людей.

1 февраля, на шестнадцатый день дрейфа, кончились мясные консервы. Их особенно экономили, клали в воду только несколько волокон мяса, потом вылавливали и делили. Теперь в суп пошел

последний кусочек мяса. Голод давал себя сильно знать. Солдаты похудели.

— Будем варить «суп» через день, — решил старшина.

Солдаты согласились. Они только попросили Зиганшина готовить пищу для всего экипажа. Командиру этим заниматься не полагается, но условия жизни экипажа, терпящего бедствие в океане, особенные, и Асхат согласился с предложением товарищей.

Кончилась пресная вода не только в баке, но и та, которая была предназначена для охлаждения моторов. Стали собирать дождевую, благо штормы сопровождались проливными дождями. Но собирать воду было трудно: волны либо грозили смыть человека вместе с ведром, либо захлестывали в ведро воду из океана. Все же кое-что удалось собрать. Пили по пять глотков в день, потом по три.

Пушечный грохот не идет в сравнение с оглушительными взрывами, раздававшимися в океане. Баржу, как щепку, метало в волнах.

В редкие дни, когда шторм становился слабее, солдаты пытались ловить рыбу. Два крючка у них было, еще два решили выпилить напильником из тонких гвоздей. Распустили часть каната, свили из него лески. Из консервной банки вырезали блесну.

Подолгу сидели они у борта, но рыба не ловилась.

Так прошло много дней.

Однажды у самой баржи появилась акула. Старшина кинулся к борту с багром в руках, хотел зацепить ее, замахнулся, но багор оказался коротким, и акула ушла.

На следующий день из больших гвоздей сделали пять крупных крючков, привязали их к длинным лескам, но акула больше не появлялась.

Встреча с акулой навела на мысль, что баржу гонит к южным широтам.

На севере акулы встречаются редко. А раз так, значит, судно рано или поздно должно выйти на трассу традиционных международных морских путей.

Это обрадовало.

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

Они даже не подозревали, насколько их предположения были близки к истине, а, главное, не понимали того, что эта истина не столь уж радостна. Когда баржа вышла из холодного течения Оясио, она была подхвачена одним из потоков теплого течения Куросио. Это течение и понесло ее все дальше и дальше от берега, в открытый океан.

«Куросио» в переводе с японского значит «синее течение». Но есть у него и другое казвание, более точное: «течение смерти». Рыбы и птицы избегают пересекать его. Оно губит все живое. Поэтому наши товарищи и не могли поймать ни одной рыбы, и за все время дрейфа они только однажды встретили случайно залетевшую в океан чайку.

На эту «дорогу смерти» часто выносило японских рыбаков. И некому было их встречать — лишь одинокие акулы отваживались сопровождать их джонки на этом пути. Особенно опасно Куросио в зимнюю пору: в северо-западной части Тихого океана свирепствуют циклоны и штормы.

История мореплавания знает немало примеров того, как японские джонки, захваченные Куросио, выносило к берегам Мексики или США. Экипажи этих рыбацких шхун в большинстве случаев погибали.

Летом 1927 года американский пароход «Маргрет Даллар» встретил у острова Ванкувер дрейфовавшее полузатопленное японское судно. Оно оказалось моторной шхуной «Райо-Яйи-Мару». В кубрике было обнаружено одиннадцать скелетов, а вахтенный журнал раскрыл эту трагическую историю. 8 декабря 1926 года судно вышло из порта Мисаки на промысел тунца. Лов оказался неудачным. Шхуна легла на обратный курс. Сломался гребной вал. Попали в «течение смерти». Выйти из него не смогли. Один за другим рыбаки умирали, и через две недели судно превратилось в плавучий гроб. Судя по записям, японские рыбаки погибли на одиннадцатый-двенадцатый день не от истощения, а от страха перед «течением смерти».

В труднейших условиях постоянного шторма и голодовки советские солдаты плыли по этому течению уже шестую неделю.

Скорость их дрейфа составляла примерно двадцать шесть миль.

По ночам они уже дрейфовали, не зажигая огней, — экономили заряд аккумуляторов. Только вахтенный по-прежнему стоял, мучительно вглядываясь в темноту.

Асхат Зиганшин украдкой посматривал на своих товарищей. Шторм, голод, холод, постоянная качка истрепали солдат, вымотали их физически. Хватит ли у них сил? Выдержат ли все невзгоды и тяготы? Пережито уже так много, и кто знает, что еще предстоит преодолеть?

Однако следов отчаяния на лицах товарищей не было. Солдаты вели себя безупречно: помогали друг другу, были дисциплинированны, исполнительны. Установился режим: двое заняты делом, двое отдыхают.

Как-то после жестокой болтанки Филипп в кубрике забылся тяжелым сном. Иван снял свой бушлат и накрыл им товарища.

Дрейф продолжался. Казалось, с начала его прошла вечность. В ведре на дне лежали последние картофелины. Каждый мог украдкой взять одну, чтобы прожить на день больше, но даже мысль такая разве могла кому-нибудь прийти в голову! Они не ссорились. На барже был закон — дружба, выдержка и дисциплина.

Человечность и братская преданность — вот что руководило ими в самые страшные дни их жизни.

В канун Дня Советской Армии океан на какое-то время утих. Солдаты отдыхали. А за тысячи километров от них, в маленькой приамурской деревушке, жена Ивана Федотова — Ирина в эти же часы родила сына.

Наступило 23 февраля — День Советской Армии. Хотелось отметить этот день обедом. Но, когда посмотрели запасы, от обеда пришлось отказаться. Оставалась только одна картофелина и одна ложка крупы. Можно было, конечно, сварить «суп», но что делать потом?

Рассудил старшина:

— Суп мы варили вчера. Давайте растянем праздник. Давайте сегодня покурим, а пообедаем завтра.

Согласились, и Асхат скрутил из «неприкосновенного запаса» цигарку — одну на всех. По очереди раскурили последний табак.

На следующий день кончились все продукты: солдаты съели «суп» из последней картофелины и последней ложки крупы.

Они пили теперь всего по два глотка воды в день. Заметно слабели.

Иногда щемило сердце. В голову лезли тяжелые мысли: «Может, нас считают уже погибшими? Может, уже плачут наши матери?» Но вслух это высказывать остерегались. В такие минуты особенно тоскливо становилось Ивану Федотову. Он волновался за жену и будущего ребенка. Хотелось крикнуть: «Дорогие наши, мы живы! Ждите нас, не сомневайтесь в нас!» Однако что делать дальше?

Уже в кубрике не оставалось ни капли пресной воды, ни крошки хлеба, ни одной картофелины. Оставалось только солдатское братство. Одно на всех. Одинаковое и крепкое. Не крикливое и даже, казалось бы, незаметное в обычной обстановке, оно вспыхнуло в час испытания ярким заревом и осветило их.

И выход был найден.

— Давайте попробуем! — Иван показал на добротный офицерский ремень, подаренный ему командиром части.

Разрезали, сварили, сжевали по ломтику, намазывая на него технический вазелин.

Даже в эти минуты они находили силы шутить:

— Мясо — первый сорт.

— И масло без ограничений.

После ремня принялись за кожу сапог. Последний раз растянул мехи гармонии Филипп Поплавский, а потом сказал:

— Надо и ее резать. Здесь тоже есть кожа.

Разрезали гармонь. Варили ее в морской воде. И снова шутили:

— Теперь даже мясо двух сортов. Первый — гармонь, второй — сапоги.

Они сожгли в печке все ящики, многие деревянные части настила и внутренней обшивки. Разрезали автомобильные покрышки, которые оказались на барже. Их тоже кидали в печь. Очередь дошла до книг, прочитанных по нескольку раз.

И все же они держались.

Сколько случаев знает история, когда люди, оказавшись в менее трудных условиях, сходили с ума, зверели, теряли человеческий облик! Но четверка отважных не сдавалась и не отступала.

САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ

Наступили самые тяжелые дни. Шторм все еще трепал баржу, к нему привыкли, как будто твердой земли вообще не существует. Привыкли к палубе, которая каждую минуту становилась чуть ли не вертикально и грозила сбросить с себя всё, как упрямая, необъезженная лошадь сбрасывает с себя седока. За все время дрейфа было только пять спокойных дней, когда океан молчал.

Труднее было привыкать к голоду. Да разве можно к нему привыкнуть!

Баржа прошла уже огромный путь. Ее выносило к тем местам, где по океану ходят суда из Японии в США. Встречи с судами уже были вполне реальны.

Днем 2 марта Асхат Зиганшин, который нес вахту, заметил проходившее недалеко судно. Асхат и Иван вышли на палубу и подняли на мачте сигнал бедствия — белый флаг. Правда, флага как такового не было, его заменила обыкновенная солдатская портянка.

Увидят сигнал с парохода или не увидят?

Не увидели.

Высокие волны то и дело скрывали крохотную баржу. Пароход прошел мимо.

Старшина зорко следил за каждым членом своего экипажа, за его физическим и моральным состоянием. Одному он неожиданно приказывал отдохнуть. И человек шел отдыхать, потому что приказ этот был не только приказом, но и советом близкого друга. Другому он поручал выточить из гвоздя рыболовный крючок или размотать канат и свить леску. Солдаты подчинялись беспрекословно. Они сразу принимались за то, что надо было сделать.

В один из дней Асхат завел разговор с Иваном:

— Кстати, ты уже теперь стал отцом, наверное.

Иван повеселел:

— Да, уже время родиться ему. Сын будет. Сашка!

— А вдруг девочка? — вступил в разговор Филипп Поплавский.

Вот и нашлась тема для разговора. Друзья размечтались, как приедут к Ивану в гости...

6 марта ночью во время грозы Филипп увидел в море огни парохода.

— Старшина, — закричал он, — вижу судно!

Зиганшин поднял экипаж. На палубу вышла вся команда. Далеко, в нескольких милях, проходил хорошо освещенный корабль.

Асхат стал «писать» сигнальной лампой: «три точки, три тире, три точки», «три точки, три тире, три точки» — «SOS», «SOS». Если бы на пароходе заметили этот сигнал, то он был бы сразу понят — это международный призыв о помощи.

На минуту ребятам показалось, что они видят ответное мигание.

— Поворачивает! — закричал Федотов.

Но радость была преждевременной. И с этого второго судна их не увидели. Пароход растаял в ночной мгле...

Прошла еще одна ночь. Запасов продовольствия уже не было.

— Сколько еще продержимся? — тихо спросил Анатолий старшину.

— Пока не поймаем акулу, — ответил Асхат, — а когда поймаем да пообедаем, тогда ты меня еще раз спроси. Ответ будет точный.

Филипп Поплавский сказал:

— Поздравляю вас, товарищи, с Международным женским днем восьмого марта. Завтра будет пятидесятый день нашего плавания. Есть предложение, старшина: выдать к обеду по добавочному куску «сапожатины»...

— Добавки не будет. «Сапожатина» кончается.

Асхат говорил правду. Кожи от сапог оставалось только на один очередной «суп».

А Филипп был прав только частично. Да, это был уже сорок девятый день дрейфа, но число седьмое, а не восьмое марта. Просто за тяготами их жизни они забыли, что этот год високосный и в феврале было не двадцать восемь, а двадцать девять дней.

Так начинался еще один день дрейфа.

От постоянного голода и жажды солдаты очень ослабели. Каждый потерял по двадцати, а то и больше килограммов веса. Их теперь трудно было узнать. Бороды и отросшие волосы на голове искажали их облик. Они подолгу лежали не двигаясь. У окна стоял только вахтенный.

Анатолий открыл лобовое окно в рубке. Ему показалось, что он увидел очертания парохода. В последнюю неделю на почве голода им уже стало изменять зрение.

— Пароход! — сказал он. — Я вижу пароход...

К окну подошли остальные. Это не был обман зрения. Вдали действительно проходило какое-то судно. Его видели все.

Подняться на палубу уже не было сил. Все четверо жадным взглядом следили за судном, следили до тех пор, пока оно не скрылось за горизонтом.

Асхат повернулся к товарищам:

— Выше голову, ребята!

Иван Федотов поддержал командира:

— Скоро весна. Откроется навигация. Больше будет кораблей в океане, и нас найдут.

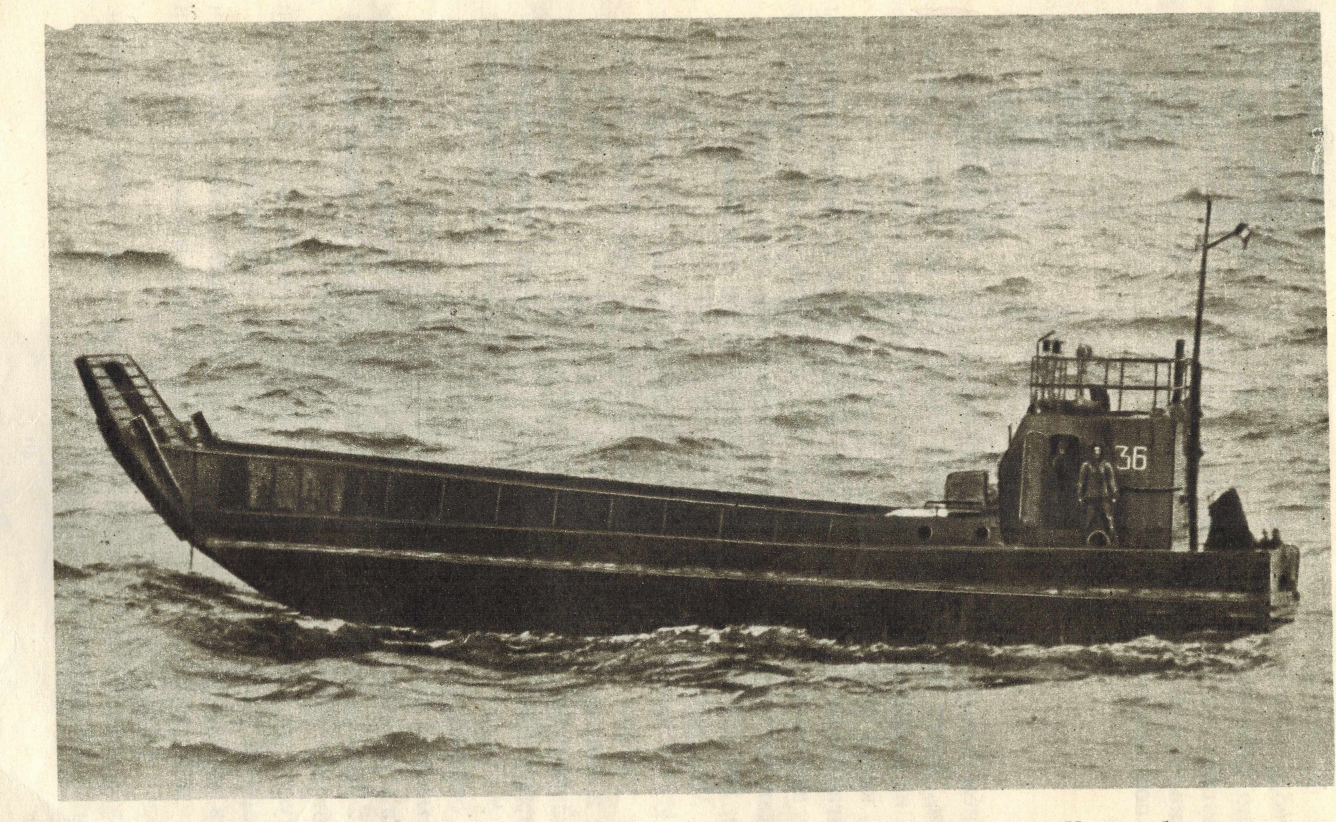
— Обязательно найдут, — добавил Зиганшин.

— А там, где прошли три корабля, — Иван Федотов вспомнил их встречи с судами, — будет и четвертый.

Поверили.

Особенно слабым физически становился Асхат Зиганшин. Ему приходилось вдвойне трудней, чем остальным. Он считал себя ответственным за жизнь людей и баржу. Он поддерживал всех морально, и ни на минуту не покидала его мысль об успехе. Этим он заражал весь экипаж.

Специалисты-медики утверждают, что обычно при подобных бедствиях смерть наступает на пятнадцатый—двадцатый день. В редких случаях люди доживали до тридцати дней. Холод и тяжелая физическая нагрузка значительно отягощают состояние людей, терпящих бедствие, и развязка наступает еще скорее. На десятый—пятнадцатый день голодания люди начинают сходить с ума, бредить, у них появляются галлюцинации, происходит тяжелое отравление продуктами распада белка.

Это первый снимок баржи «Т-36», сделанный с борта американского самолета. На палубе видна фигура Асхата Зиганшина; он первый услышал шум моторов. В дверях — Филипп Поплавский

Но на этот раз со стихией боролись советские солдаты — волевые люди. Люди, воспитанные партией и комсомолом. Они были хорошо физически подготовлены и закалены. Спорт, гимнастика, тренировка на выносливость при повышенной нагрузке — все это их закалило. А главное, они верили в победу. И эта вера, эта сила духа поддерживали их.

«КИРСАРДЖ»

Днем 7 марта Филипп Поплавский и Иван Федотов пошли отдыхать. Асхат Зиганшин с Толей Крючковским начали готовить «суп» из последнего сапога и остатков гармони. «Обед» был почти готов, когда старшина услышал ровный гул моторов.

Зиганшин поднялся на палубу. Над баржей кружили самолеты. Асхат схватился за поручень, чтобы не упасть, и стал махать рукой, как бы приглашая самолеты опуститься вниз, к воде.

Те, кто лежал в кубрике, услышали голос старшины:

— Моторы! Самолеты!

У Ивана Федотова уже давно гудело в голове и звенело в ушах. Он не поверил. Посмотрел на Анатолия. Тот приподнял голову с койки и недоверчиво прислушался.

А Зиганшин стоял на палубе и махал.

Да, это были самолеты! Но чьи? Советские, китайские, японские? У солдат уже так ослабло зрение, что они не смогли рассмотреть опознавательные знаки на крыльях.

Самолеты сделали круг и улетели. Вернутся ли?

А в это время американские летчики Глен Конрад и Дэвид Мерикл передали по радио на свой авианосец, что в океане они увидели баржу. В воздух поднялись вертолеты.

Спустя некоторое время два вертолета спустились и повисли над баржей. Солдаты поняли, что над ними американцы.

Раз вертолеты появились так быстро, значит где-то поблизости земля либо авианосец. Значит, скоро за ними пришлют катер и возьмут их баржу на буксир.

В это время с вертолетов спустили стальные тросы. На конце тросов были спасательные пояса.

Солдаты стали делать знаки, что остаются. Им не хотелось бросать свою баржу.

Они не знали, что от этой точки, где их обнаружили, до ближайшей земли — острова Маркус — было семьсот двадцать миль, то есть немногим меньше того расстояния, которое они проделали за время дрейфа.

По расчетам ученых и моряков, баржу советских смельчаков снесло на юго-восток примерно на девятьсот миль. Но фактический путь ее дрейфа, вероятно, превышает тысячу триста миль, так как это неуправляемое судно совершило много петель, зигзагов и галсов. Средняя скорость дрейфа в сутки доходила до двадцати шести миль и была почти равна средней скорости океанических течений.

Вскоре появился большой корабль. На его борту было написано по-английски: «Кирсардж». С борта корабля на ломаном русском языке кто-то дважды крикнул: «Помощь вам! Помощь вам!»

Асхат пропустил вперед товарищей, помогая им закреплять пояса. По праву старшего он должен был покинуть судно последним.

Вот трое уже подняты. С вертолета спускают четвертый пояс. Асхат застегнул его на себе и потерял сознание.

Потерял сознание и Иван Федотов. Когда пришел в себя, почувствовал, что кто-то ищет на его руке пульс. Чуть опомнился, попросил почему-то сначала курить, а уже потом пить.

Четверо юношей оказались на борту американского авианосца. К ним обращались с вопросами, но они ничего не слышали, не имели сил разговаривать и только по их глазам было видно, что они живы и в жизнь верят. Перед американцами были измотанные океаном, заросшие волосами, измученные голодом люди в защитного цвета, хотя и обветшалой, форме воинов Советской Армии, безмерно уставшие, но сильные духом люди. Их гимнастерки разъела морская соль. Люди потеряли в весе, но не утратили человеческого достоинства и мужественного облика.

Если есть в глазах людей, которые возвращаются из ада, огонь, то у этих солдат он был. Они выстояли потому, что были настоящими людьми, нашими родными парнями.

Как только Асхат Зиганшин пришел в себя, он начал задавать вопросы:

— Где мы находимся?.. Что с баржей?

Его беспокоила судьба баржи — государственного имущества.

— Куда вы нас повезете?.. Как связаться с Родиной? Просим помочь поскорее вернуться домой. Нас там ищут... Нас ждут!

Все это американцев несказанно удивляло.

Советским солдатам оказали первую медицинскую помощь, поместили в судовой лазарет, помогли побриться и постричься.

...Вечером 7 марта на 12-й военно-морской базе США была принята необычная радиограмма. Взволнованный радист снял наушники и бросился к командиру:

— Донесение с «Кирсарджа»!

Командир немедленно передал текст радиограммы военно-морским властям города Окленда.

Прошло еще несколько минут. В это время в столице Соединенных Штатов был уже поздний вечер. Военный министр Томас Гейтс находился дома. Позвонил телефон. В трубке раздался голос дежурного по штабу военно-морских сил.

— Авианосец «Кирсардж» в Тихом океане подобрал четверых русских солдат.

Министр набрал телефон президента...

Вашингтон немедленно по радио запросил у капитана авианосца подробности. Командир Роберт Таунсенд их доложил.

Глубокой ночью помощник президента по делам печати Джеймс Хэгерти передал для опубликования официальное коммюнике и одновременно сообщил о случившемся советскому посольству в Вашингтоне.

А 8 марта в утренних выпусках нью-йоркских газет на первых страницах рядом с сообщением из Вашингтона была опубликована карта Тихого океана, на которой крестиком отмечалось место встречи американского авианосца с русской баржей. В сообщении приводились фамилии отважной четверки.

Так мир впервые узнал о подвиге русских богатырей. Все газеты писали о том, что дрейф продолжался сорок девять дней. Но в действительности с пяти часов утра 17 января, когда начался шторм и борьба четверых советских людей со стихией, до четырех часов дня

Асхат Зиганшин показывает американскому моряку фотографии своей семьи

7 марта 1960 года прошло пятьдесят с половиной дней. Герои были спасены на пятьдесят первые сутки их сражения с океаном.

В жизни бывают удивительные и порой совершенно невероятные совпадения. Вот одно из них.

В тот же день, 7 марта, когда американский авианосец обнаружил советских воинов, за многие тысячи миль от того места, в Тиморском море, одном из морей Индийского океана, австралийский эсминец «Куикмэтч» на пустынном островке Батерст подобрал человека. Человек всех боялся и порывался удрать.

Этот сумасшедший оказался одним из членов экипажа рыболовецкой шхуны «Семенгет Бару», которая потерпела бедствие и тридцать пять дней дрейфовала. На шхуне было двадцать два человека. Двенадцать из них погибли от голода, жажды и болезней.

Десять оставшихся в живых высадились на берег, куда их прибило волнами. Здесь двое сошли с ума. Остальные восемь бросили больных на произвол судьбы и решили любыми средствами добраться до людей. Одного из брошенных подобрал австралийский эсминец, второго не нашли.

В сравнении с тем, что произошло в Тиморском море, подвиг четырех юношей Страны Советов еще величественнее встает перед нами. Они смело смотрели в лицо опасности, каждый чувствовал биение сердца друга. В штормах Тихого океана проверялась не только их дружба — они держали экзамен в том, чему научили их Советская Армия, наш строй, Родина.

И этот экзамен они выдержали с честью.

Бывают подвиги, которые длятся часы, а иногда минуты. Их подвиг длился семь недель.

ГОРЕ И РАДОСТЬ

9 марта Ефима Трофимовича Федотова вызвали в райвоенкомат. Военком сказал, что во время сильного шторма Иван пропал без вести.

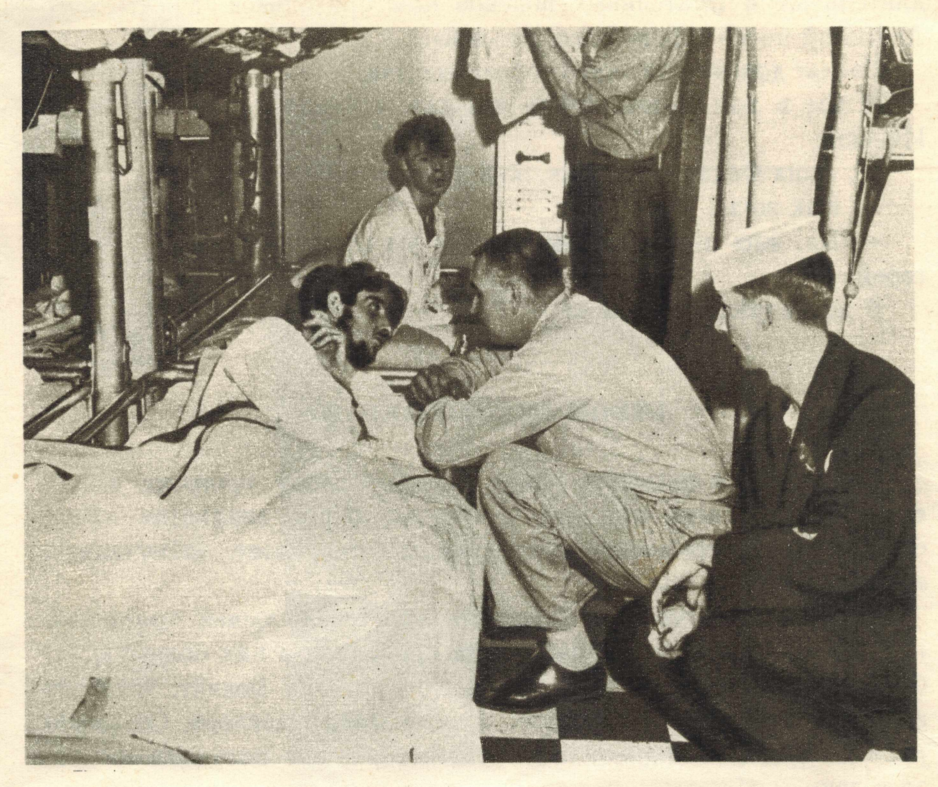
Погиб? Ефим Трофимович не поверил этому. Гибель сына казалась ему невероятной. Он решил дома ничего не говорить. И все же каждый новый шаг, приближающий его к дому, делать ему было все труднее и труднее. Вернулся в семью старший Федотов хмурым.

На следующий день выписалась из родильного дома Ирина. На руках у нее был маленький Саша. Вечером, чтобы отметить рождение первого внука, у Федотовых и у Власовых (это девичья фамилия Ирины) сошлись родные и близкие. Все подходили, смотрели на малыша.

— Крепыш, весь в отца! —говорила бабушка. — Три килограмма двести граммов.

Только старый матрос почему-то молчал. Гости удивлялись: не занемог ли хозяин? Веселый и радушный человек, певун и гармонист, он вроде и не радовался первому внуку, не пел и не играл.

Бывалый моряк был прав, что не растревожил родственников. Мало ли что бывает? Пропадают люди и возвращаются.

В лазарете авианосца «Кирсардж». На переднем плане Филипп Поплавский (лежит). Сзади на койке сидит Анатолий Крючковский

Через день радио сообщило, что в океане американские моряки спасли отважных русских солдат.

...Горе вползло и в дом Крючковских.

Последнее письмо Анатолия мать все время держала под подушкой. И, хотя знала его наизусть, она часто вынимала его и снова подносила к глазам. «Учусь, мама, как и обещал, на отлично. Сильно возмужал. Служба мне по душе. Это то, о чем я мечтал. Хотел, чтобы и мой брат Володя попал в такую часть, к таким друзьям, к таким командирам. Здесь у нас одна боевая семья».

А теперь она лежала и плакала. Плакала и дочь Людмила. От командира части, где служил Анатолий, пришло письмо. «После

длительных и тщательных поисков нам приходится думать, что Анатолий погиб в борьбе со стихией».

Самые долгие дни — это горестные дни.

И вот в дом Крючковских вбежал товарищ сына — Василий Иванюк:

— Анна Федоровна! Жив, жив наш Анатолий!

— Как жив?!

— Да, жив ваш сын. Вы можете им гордиться, он настоящий герой.

В дом ворвалось счастье.

ГЕРОИ ТИХОГО ОКЕАНА

Так их стали называть теперь все. Эти слова произнес кто-то еще в те дни, когда они находились на борту авианосца «Кирсардж». Их имена заполнили страницы сотен газет, зазвучали в эфире на многих языках.

Американские моряки окружили советских людей трогательным вниманием. Врачи с авианосца проявляли о них большую заботу. Но внимательнее всех оказался Фредерик Беквит, которого американские моряки называли «самый милый доктор». Он лично наблюдал за витаминным питанием, которое они получали три раза в день.

Врачей поражала выносливость русских. Американцы водили наших воинов на рентген, то и дело брали анализы и каждый раз удивленно разводили руками. Советские солдаты удивляли даже видавшего виды Фредерика Беквита. Несмотря на перенесенные лишения, ни один из них не заболел. У них не было признаков органических изменений, они только сильно похудели от недоедания. Беседуя с корреспондентами, Беквит несколько раз отмечал, что советские воины получили хорошую физическую закалку.

— Они выжили чудом, — говорил он. — Эти парни потребляли в сутки по триста пятьдесят калорий, в то время как человеку необходимо три тысячи.

Изо всех сил старался повар Райфорд. В своей поварской книге он нашел рецепты изготовления борща и пельменей и, чтобы

Американский моряк Дейл Дэвис помогает бриться Асхату Зиганшину

доставить удовольствие спасенным, приготовил эти блюда впервые в своей практике.

Мало-помалу солдаты приходили в себя, поправлялись.

С ними все время находился авиационный механик Василь Гетман. Он родился и вырос в Америке, в семье украинцев, покинувших родину в 1913 году. С трудом он вспоминал украинские слова, которые ему приходилось произносить в детстве. Кое-как находили общий язык.

Американские матросы спрашивали:

— Неужели вы ни разу не поссорились?

— Неужели никто из вас не сделал лишнего глотка воды?

И, услышав в ответ: «Нет», удивлялись, пожимали плечами.

Симпатии к нашим ребятам росли. Однажды моряки «Кирсарджа» устроили импровизированный концерт — специально для русских. Пели веселые песни, отбивали чечетку. А Василь Гетман ранним утром принес ребятам настоящие украинские галушки.

— Сам сготовил, — сказал он.

Он делал их ночью, в те часы, когда должен был отдыхать после вахты.

Очень скоро товарищи начали поправляться, прибавлять в весе. На шестой день после спасения американские врачи перевели их из лазарета авианосца в две каюты. Солдат стали приглашать в кино. Советские воины удивляли всех скромностью, тактом. Они вели себя сдержанно, спокойно.

Американские журналисты атаковали корабль еще в открытом океане, в нескольких сотнях километров от Сан-Франциско. Переводчиком служил все тот же Василь Гетман. Он ни на минуту не оставлял своих новых друзей и готов был выполнить любую их просьбу. Но просьб у его новых друзей не было, кроме, пожалуй, одной, самой главной: поскорее вернуться домой. Они с нетерпением ждали встречи с советскими людьми в Сан-Франциско.

14 марта наших товарищей разбудил посыльный дежурного офицера и пригласил пройти в радиорубку. Их вызывал по радиотелефону корреспондент «Правды» Борис Стрельников из Нью-Йорка. После многодневного дрейфа это был первый голос Родины, который услышали друзья.

Асхат подошел к микрофону:

— Младший сержант Зиганшин слушает.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивал корреспондент.

— Экипаж чувствует себя хорошо... — Но и за тысячи километров можно было ощутить, как Зиганшин волнуется, как срывается его голос. — Мы благодарны американским морякам и особенно врачам американского корабля, которые окружили нас чутким вниманием и заботой. Наше единственное желание — скорее возвратиться на Родину. — И еще младший сержант добавил: — На барже, которую пришлось оставить в океане, есть кое-какое имущество. Непорядок...

Затем трубку взял рядовой Федотов.

Встреча в Сан-Франциско. Слева направо: Филипп Поплавский, Асхат Зиганшин, второй секретарь советского посольства в США А. А. Кардашев, Иван Федотов и Анатолий Крючковский

С Телеграфного холма в Сан-Франциско перед ними открылся вид на бухту

— Передайте Родине, — сказал он, — что мы не уронили чести советских людей и никогда не уроним. В беде мы думали о Родине и вели себя, как подобает советским солдатам. Сейчас единственная у нас забота: наша солдатская одежда изодралась за дни, проведенные в океане. Как мы сойдем на американский берег, не одетые по форме?

Прежде чем покинуть авианосец «Кирсардж», советские солдаты поблагодарили моряков за спасение и дружеский прием, оказанный им на борту корабля, а командиру авианосца передали письмо. В нем говорится: «Мы, советские солдаты, терпевшие бедствие в открытом море, от всего сердца благодарим офицеров и весь экипаж, который спас нас и создал такие хорошие условия на борту корабля».

Командир авианосца командор Л. Р. Таунсенд сказал:

— Вот это и называется советско-американской дружбой.

Встреча героев океана в Сан-Франциско была торжественной. С борта корабля на двух вертолетах их доставили на прибрежную поляну Марина Грин. Наши соотечественники обнялись с американскими моряками, пожали руки офицерам и капитану «Кирсарджа». И тут все увидели, что Василь Гетман плачет навзрыд...

Первый советский человек, который встретил их, — представитель советского посольства в Вашингтоне А. А. Кардашев — обнял их и поцеловал. Они были одеты в синие куртки и парусиновые брюки — рабочие костюмы американских моряков. Но каждый из них держал под мышкой свое обмундирование — полуистлевшие, но родные советские гимнастерки. В непривычной одежде они чувствовали себя неловко, переминались с ноги на ногу: одеты не по форме. А тут еще целая армия корреспондентов с фотоаппаратами и кинокамерами!

Героев сердечно приветствовал мэр города Сан-Франциско Джордж Кристофер. Он принял их в своем кабинете и вручил каждому памятный ключ от города.

Советские воины оказались в центре внимания американской общественности. Кино и телевизионные компании наперебой приглашали их в гости, предлагали сделать о них фильм. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» оценила встречу советских людей в

Мэр Сан-Франциско Джордж Кристофер принял героев и вручил каждому из них памятный ключ от города

Америке следующими словами: «Четверо молодых русских солдат, оставшихся в живых после самого долгого испытания в результате морского бедствия, были встречены на берегу, как герои».

На следующий день А. Зиганшин, Ф. Поплавский, А. Крючковский, И. Федотов совершили прогулку по городу. Они поднялись на башню «Койт Тауэр», находящуюся на Телеграфном холме в Сан-Франциско. Оттуда открывается широкий вид на бухту Золотые ворота. Из бухты в это время выходил авианосец «Кирсардж», направляющийся в Южную Калифорнию. Долгим благодарным взором проводили советские юноши корабль, принесший им спасение.

ОНИ ТВОИ СЫНЫ, РОДИНА!

Младшему сержанту

ЗИГАНШИНУ Асхату Рахимзяновичу,

рядовым

ПОПЛАВСКОМУ Филиппу Григорьевичу,
КРЮЧКОВСКОМУ Анатолию Федоровичу,
ФЕДОТОВУ Ивану Ефимовичу

Дорогие товарищи!

Мы гордимся и восхищаемся вашим славным подвигом, который представляет собой яркое проявление мужества и силы духа советских людей в борьбе с силами стихии. Ваш героизм, стойкость и выносливость служат примером безупречного выполнения воинского долга.

Своим подвигом, беспримерной отвагой вы приумножили славу нашей Родины, воспитавшей таких мужественных людей, и советский народ по праву гордится своими отважными и верными сынами.

Желаю вам, дорогие соотечественники, доброго здоровья и скорейшего возвращения на Родину.

Н. ХРУЩЕВ

Москва, Кремль. 16 марта 1960 года.

Президенту Соединенных Штатов Америки

Г-НУ ДУАЙТУ Д. ЭЙЗЕНХАУЭРУ

г. Вашингтон

Уважаемый г-н президент,

Разрешите мне выразить Вам, правительству США и командованию американских военно-морских сил чувство глубокой признательности за спасение четырех отважных советских солдат, которые в течение многих дней мужественно боролись со стихией и невзгодами в просторах Тихого океана.

Советские люди видят в благородном поведении американских моряков, в заботливом отношении к советским юношам американских властей выражение отношений дружбы, которые развиваются между нашими странами. Хотелось бы, чтобы это послужило делу дальнейшего развития отношений между нашими государствами, которому Вы и я посвятили немало времени в ходе недавних наших бесед в США и для которого, я надеюсь, мы оба не пожалеем усилий во время наших предстоящих встреч.

С уважением

Н. ХРУЩЕВ

Москва, Кремль. 16 марта 1960 года.

Мэру города Сан-Франциско

Г-НУ ДЖОРДЖУ КРИСТОФЕРУ

г. Сан-Франциско

Уважаемый г-н мэр,

Позвольте мне искренне поблагодарить Вас и жителей Сан-Франциско за теплый и дружественный прием, оказанный четверке советских юношей, мужественно выдержавших борьбу со стихией.

Пусть благородные действия американских моряков по спасению советских людей и проявленная к ним сердечная забота с Вашей стороны послужат укреплению дружбы между народами Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Советские люди не забудут этого глубоко гуманного акта американских моряков и той теплоты, которая была проявлена к спасенным населением Вашего прекрасного города Сан-Франциско и лично Вами.

Н. ХРУЩЕВ

Москва, Кремль. 16 марта 1960 года.

Министру обороны США

ТОМАСУ С. ГЕЙТСУ

Уважаемый г-н Министр!

Министерство обороны Союза ССР выражает благодарность командиру и личному составу американского авианосца «Кирсардж» за спасение жизней четырем советским военнослужащим, застигнутым стихией в Тихом океане.

Экипаж авианосца окружил большой заботой и вниманием спасенных советских военнослужащих, что свидетельствует о поддержании американскими моряками хороших морских традиций и способствует укреплению дружбы между нашими народами.

С уважением

Р. МАЛИНОВСКИЙ,

Маршал Советского Союза, Министр обороны Союза ССР.

16 марта 1960 года.

* * *

Во время пребывания в Сан-Франциско произошло событие, которое все четверо запомнят на всю жизнь.

После поездки по городу они вернулись в отель. И здесь им вручили телеграмму от Никиты Сергеевича Хрущева.

Радостно вздрогнул Филипп Поплавский, побледнел взволнованно Анатолий Крючковский, зажглись восторгом глаза Ивана Федотова, а их бывалый старшина Асхат Зиганшин опустил голову, пряча слезы.

Прочли текст. На какой-то миг воцарилась тишина. Как будто снова перед их взором встал ревущий океан и пронеслись все дни и ночи страшного дрейфа.

Несколько раз они перечитывали строки телеграммы, прибывшей из Москвы. Их согрели теплые слова Никиты Сергеевича, слова, которые проникнуты заботой партии и правительства о советском человеке.

В ответной телеграмме на имя Н. С. Хрущева они писали:

ДОРОГОЙ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ!

С глубоким волнением и благодарностью мы прочитали Ваши отеческие слова, обращенные к нам, простым воинам Советской Армии. В дни тяжелых испытаний, выпавших на нашу долю, мы ни на минуту не забывали о матери-Родине, любовь к которой придавала нам силу в борьбе со стихией. Верные воинскому долгу, мы старались вести себя так, как подобает советским солдатам.

Докладываем Вам, что мы набираемся сил и здоровья, горим желанием как можно скорее вернуться на родную землю, чтобы снова занять свое место в боевом строю.

В ответ на Ваше теплое пожелание, дорогой Никита Сергеевич, мы отвечаем: «Служим Советскому Союзу!»

Младший сержант ЗИГАНШИН
рядовые: ПОПЛАВСКИЙ
КРЮЧКОВСКИЙ
ФЕДОТОВ

г. Сан-Франциско. Караван Лодж — отель, 16 марта 1960 г.

Их подвиг глубоко взволновал весь советский народ. Поток писем и телеграмм понесся в Америку, в редакции советских газет, в адрес героев и их родителей, в часть, где служили воины. Наши советские люди поздравляли ребят с победой, гордились их подвигом.

«Коллектив Волжской ГЭС имени В. И. Ленина восхищен мужеством и отвагой четырех советских воинов», — шла телеграмма с берегов Волги.

«В горах Тянь-Шаня бушуют метели, свирепствуют бураны. Трудно приходится в такие дни чабанам. Но нас вдохновляет подвиг четырех солдат», — писала Герой Социалистического Труда А. Темирова, старший чабан совхоза «Кочкорка».

«От души хочу сказать: «Молодцы, ребята!» — восхищался рабочий Пензенского завода «Белинсксельмаш» И. Е. Федотов.

Восторженная встреча на аэродроме в Нью-Йорке героев беспримерного дрейфа

Их приветствовал Центральный Комитет комсомола. За яркое проявление мужества и силы духа, за безупречное выполнение воинского долга ЦК ВЛКСМ наградил А. Р. Зиганшина, Ф. Г. Поплавского, А. Ф. Крючковского и И. Е. Федотова Почетными грамотами. Их имена занесены в Книгу почета ЦК ВЛКСМ.

Американские корреспонденты в Сан-Франциско и в Нью-Йорке часто спрашивали их: «Чего вы хотели бы сейчас?» И каждый раз ответ был одним и тем же: «Скорейшего возвращения на Родину».

Родина — это не только поля, леса, горы и земля. Родина — это наши советские люди, родные и близкие солдат-героев, которые гордятся новым подвигом своих соотечественников, их патриотизмом, силой воли и дружбы.

Их четверо, советских юношей. Они родились на берегах Волги, Амура и Днепра, но выросли в одной семье братских советских народов.

Они выдержали борьбу со стихией и нашли в себе силы выстоять до конца. Такими воспитала их Родина, наша Советская страна!

ОКЕАН

Великий или Тихий океан...

Кажется, нет уже на карте мира белых пятен, таких районов в водных просторах, где не побывали бы люди. Тихий океан изъезжен мореплавателями со времен Кука вдоль и поперек, нанесены на карту все острова и контуры его дна. Человек, вооруженный новейшей наукой и техникой, проник в самые труднодоступные морские районы. И все же океан — непокорная стихия, подстерегающая человека, манящая его в свои дали и не всегда выпускающая его из своих коварных тисков.

Сравнивая дрейф мужественной четверки советских людей со всем, что знала история человечества, любой человек восхитится их мужеством, стойкостью, героизмом. Такого дрейфа по продолжительности и в столь трудных условиях мир еще не знал.

В Америке в связи с дрейфом четверых советских людей вспоминали три случая дрейфа американцев в этом океане.

В 1789 году капитан Блай и двенадцать человек из его команды проплыли двадцать девять дней в небольшой лодке, в которую они были высажены взбунтовавшейся командой. Капитан Блай был опытным моряком, он заходил на острова и запасался там продуктами и пресной водой.

В 1942 году в южной части Тихого океана упал бомбардировщик. Американский летчик Эдди Рикенбекер с двумя товарищами провел на волнах океана двадцать четыре дня. У них были запасы продовольствия и воды.

В годы второй мировой войны другой летчик, Луис Замперини, тоже сел в воды Тихого океана. Он продержался на плоту сорок семь суток. К счастью, океан был тогда спокойным.

В северо-западной части Тихого океана январь и февраль — самые суровые месяцы. Именно в это время океан особенно лют. В такие штормы, какие разыгрываются здесь, не всякий капитан даже крупного судна рискует выходить из гавани.

Океанская волна в непогоду легко срывает даже специально

задраенные люки, взламывает обшивку судна, гнет металлические части, крушит мачты и палубные надстройки. Чтобы перенести непогоду в океане, человеку нужна необычайная закалка. Во сколько же раз сложнее бороться тому, кто сражается с океаном в условиях низких температур, фактически без пищи и воды, долгие дни и ночи, да еще на низкобортном судне!

В мире искусства широко известна картина французского художника Жерико «Плот Медузы». На ней изображены обезумевшие от отчаяния люди, которые поедают друг друга. Безжалостный океан взял над ними верх, сломил, чтобы потом похоронить.

Подвиг четырех советских воинов вдохновляет художников на создание эпических полотен, посвященных тому, как человек одерживает верх над стихией.

В мире, где над всем довлеют эгоизм и личная корысть, бывали случаи, когда терпевшие бедствие на море, оставшись без продовольствия, тащили жребий... кого съесть первым. Сколько было кораблекрушений, и каждый раз статистика неопровержимо показывает, что от самого бедствия, от самой катастрофы погибают немногие. Трагедия наступает впоследствии, когда люди осознают ужас своего положения и, высадившись в шлюпки или на плоты, теряют самообладание. Чувство беспомощности, нервное перенапряжение, отсутствие дисциплины — вот что воздействует на людей еще задолго до того, когда кончатся запасы пищи и воды.

Побеждает только тот, кто способен вынести огромную моральную и физическую нагрузку. Эти качества были присущи нашим четырем советским парням. И они победили!

ВОСХИЩЕНИЕ

Послание Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева президенту США Д. Эйзенхауэру тепло было встречено в США. В ответном послании американский президент писал: «Я испытываю благодарность за то, что для этих мужественных людей все закончилось благополучно, и рад, что наш флот смог спасти их от опасностей и лишений, которые им пришлось пережить».

Великий океан:
— Преклоняюсь и подчиняюсь!

Во всех концах мира известные ученые, исследователи, люди, знакомые со стихией моря, говорят о величии подвига четверки отважных людей.

«Подвиг четырех молодых людей пленил воображение человечества и стал частью драгоценного наследия всех людей», — так оценил происшедшее американский писатель Альберт Кан.

Известный американский ученый-географ профессор Джордж Кресси сказал: «Все мы восхищаемся мужеством и присутствием духа советских людей, которые дали им возможность сохранить свои жизни». Спасение четырех воинов экипажем американского авианосца, по мнению профессора Кресси, является еще одним блестящим примером сотрудничества между американским и советским народами.

Крупный полярный исследователь Вильямур Стеффансон заявил, что наряду с героическим значением дрейф баржи с четырьмя воинами на борту представляет большой научный интерес. Стеффансон заявил, что дрейф баржи показывает, как в древние

времена порывы ветра подхватывали у азиатских берегов плоты с первобытными людьми и доносили их до западных берегов Американского континента. Таким образом, заявил он, они принесли новую культуру и влили новую кровь в Америку за тысячи лет до Колумба.

Стеффансон отметил, что четыре советских военнослужащих проявили великое мужество и находчивость, которые характерны для советских арктических и антарктических исследователей.

Видный океанограф Морис Юинг, возглавляющий Ламонтскую геологическую лабораторию Колумбийского университета, сказал:

«Я уверен, что все американцы рады, что четверо советских военнослужащих спасены. Мы, люди, изучающие море и знающие его мощную силу, восхищены находчивостью и самодисциплиной, проявленной этими четырьмя людьми, одержавшими победу в битве в таких трудных условиях».

Выдающийся общественный деятель, антрополог и историк д-р У. Дюбуа заявил:

«Мы, люди старшего поколения, которые уже прошли через жизнь, черпаем ее вновь в смелости и отваге юношей. Поэтому от всего сердца приветствую четырех советских военнослужащих, которые смело преодолели все трудности, уготованные им океаном».

Французский врач Бомбар в 1952 году отправился в плавание через Атлантический океан в резиновой лодке без пищи и пресной воды. Но он плыл там, где постоянно ловилась рыба, а летающие рыбки даже сами, по пяти — пятнадцати штук ежедневно, попадали в его лодку. Сейчас он известен во всем мире своими исследованиями того, как сохранить жизнь людей, потерпевших кораблекрушение.

Узнав о подвиге русских, Бомбар заявил:

«Это совершенно изумительная эпопея. Четверо советских людей, сумевших столь длительное время и в таких трудных условиях бороться против сил природы, явили своим мужеством вдохновляющий пример всем морякам, всем, кому приходится вступать в единоборство с океанской стихией».

Всемирную известность имеет норвежский ученый и исследователь Тур Хейердал. Он совершил несколько длительных архео-

Слева направо: Асхат Зиганшин, Филипп Поплавский, Анатолий Крючковский и Иван Федотов на отдыхе в Нью-Йорке

логических экспедиций в районе Тихого океана. Особенно его прославила эпопея 1947 года — дрейф на плоту «Кон-Тики». Тур Хейердал и его товарищи пересекли Тихий океан за сто один день, покрыв более семи тысяч километров. Это позволило им установить тот факт, что в доисторические времена были возможны большие переселения людей из Америки и Полинезии.

Узнав о дрейфе советских воинов, Тур Хейердал заявил:

«Шлю поздравления по поводу выдержки, проявленной четырьмя русскими, унесенными в океан».

Предоставим слово видным международным деятелям и крупнейшим органам печати:

«А. Зиганшин, Ф. Поплавский, А. Крючковский и И. Федотов — четыре советских солдата — показали всему миру яркий пример революционного оптимизма и несгибаемой воли. Сплоченные чув-

На борту океанского лайнера «Куин Мэри» перед возвращением на Родину

ством дружбы, поддерживая друг друга, они 49 дней боролись с бушующим океаном и, преодолев все трудности, одержали победу над штормами и океаном...» *(китайская газета «Женьминь жибао»)*.

«Говоря о беспримерном мужестве советских воинов, мы прежде всего подчеркиваем их беспредельную любовь к своей Родине, сознание своего служебного долга, скромность, чувство товарищества, дисциплину. Эти высокогуманные черты поддерживали героев в трудные минуты... Каждый болгарский воин хочет быть таким, как четверо советских солдат» *(Заместитель Председателя Совета Министров и министр обороны Болгарии генерал армии Иван Михайлов)*.

«Я восторгаюсь советскими людьми! В истории мореплавания это единственный в своем роде случай» *(немецкий океанограф и путешественник Георг Вюст)*.

«Советские солдаты смогли вынести такие трудности благодаря прекрасной физической и духовной закалке. Я никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь дрейфовал так долго на хрупком судне, в особенности при суровых климатических условиях, характерных для этой части Тихого океана в это время года. Советский Союз должен гордиться этими молодыми людьми» *(доктор Джордж Дикон, ди-*

ректор английского Национального института океанографии, награжденный медалью за полярные исследования).

«Четыре молодых советских солдата завоевали весь мир. Завоевали не оружием и не военным искусством. Покорили беспримерной героической борьбой за жизнь, упорной волей и верой в победу» *(Феликс Иверсен, профессор Хельсинкского университета, Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»).*

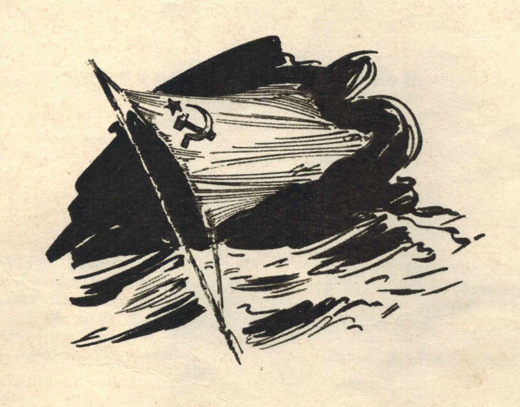
«Советские солдаты совершили то, что обычно называется чудом. Они проявили беспримерный героизм. Наш случай — детская игра по сравнению с подвигом четырех рядовых советских воинов. Я склоняю свою голову перед таким героизмом» *(капитан Дикшит, один из трех человек, спасшихся после катастрофы индийского воздушного корабля «Принцесса Кашмира» в Индийском океане 11 апреля 1955 года).*

«Мужество в борьбе им дала их любовь к Родине, взаимная выручка и поддержка» *(японская газета «Акахата»).*

* * *

Наши четыре героя выдержали тяжелейшие, нечеловеческие испытания и одержали победу над океаном.

Советский народ встречает их, как своих верных и стойких сынов-богатырей, по заслугам оценив их великий подвиг, совершенный во имя Родины и для блага всего человечества.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЮНЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

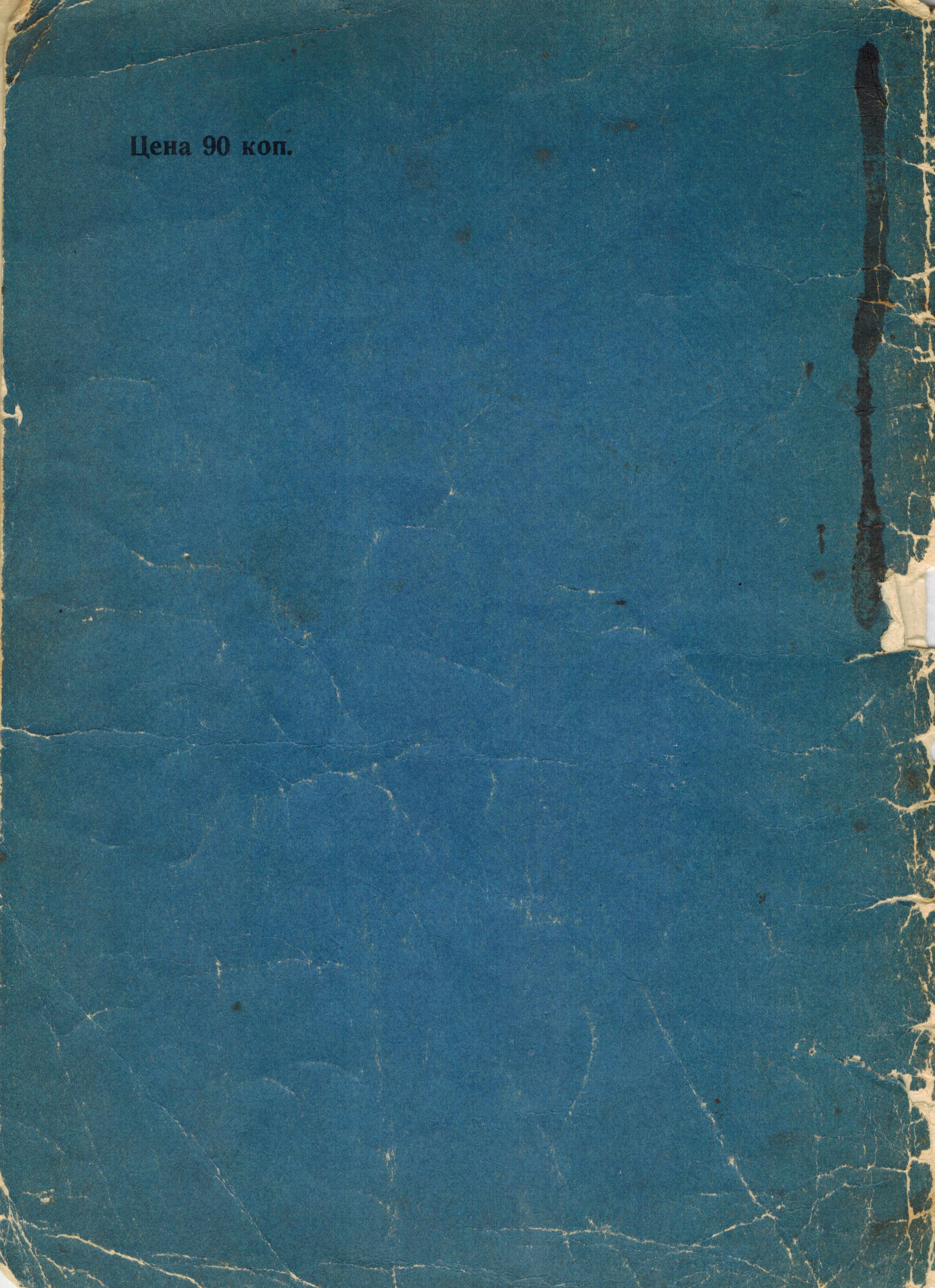
Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для среднего возраста

Ответственные редакторы
И. И. Кротова и Б. И. Камир
Художественный редактор
Л. Д. Бирюков
Технический редактор
В. А. Голубева
Корректор
Е. Б. Кайрукштис

Сдано в набор 25/III 1960 г. Подписано к печати 26/III 1960 г.
Формат 65 × 92¹/₁₆ — 4 печ. л. = 4,33 усл. печ. л. (3,04 уч.-изд. л.).
Тираж 90 000 (1—75 000) экз. А04108. Цена 90 коп.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.
Заказ № 3398.

Цена 90 коп.